

18+

Роман Бобза

Бабки! Бабки! Бабки!

экономический роман

Роман Бобза
Бабки! Бабки! Бабки!
Экономический роман

<https://litres.ru/74544259>

ISBN 9785007136259

Аннотация

Герман Ростовцев по документам скромный сотрудник брокерской компании, а на деле — финансовая акула, начинающая свой путь к богатству. В переломные моменты Герману придется решить, что для него важнее — любовь, семья или деньги.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Янис и устрицы	5
2. Ожог	12
3. Лиза	20
4. Зимний газ	27
5. Учитель	42
6. Зелёная лента	51
7. Тихий год	61
8. Февраль	70
9. Санкционный воздух	81
10. МОЕХ-манипуляция	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Бабки! Бабки! Бабки!

Экономический роман

Роман Бобза

© Роман Бобза, 2026

ISBN 978-5-0071-3625-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персоналии, имена, фамилии, компании и события вымышленные.

Помните: вы читаете книгу о подонке.

Алан Аюра Бакс

1. Янис и устрицы

В Москве было пусто. Третью неделю длился локдаун. Бульварное кольцо, по которому Герман ехал от Строгино, лежало под мартовским серым небом пустое — без машин, без людей. Только светофоры работали.

Ресторан на Малой Бронной, к которому Янис велел приехать, был открыт — для своих. На двери красовался крест из изоленты. За стеклом горел свет, но столики пустовали.

Герман бросил машину на тротуаре, не глядя на знаки, и толкнул дверь.

Янис сидел в дальнем зале, у окна. Перед ним — тарелка с устрицами, шесть штук на колотом льду, и открытая бутылка шабли. Он не встал, только кивнул на стул напротив.

— Садись. Закажешь себе.

Герман сел. Официант — единственный, кого было видно в зале — возник мгновенно, с меню, которое Герман даже не открыл.

— Что порекомендуете? — спросил он, не глядя.

— У нас сегодня фуагра и лобстер, Герман Аркадьевич.

— Лобстера. И какой-нибудь салат.

Официант ушёл. Янис, не поднимая глаз, выдавил лимон на первую устрицу, отделил её от раковины специальной вилкой и отправил в рот. Запил шабли.

— Слушай сюда, — сказал он. — У нас сейчас будет раз-

говор, который не под запись. Это нельзя нигде фиксировать.

Герман кивнул.

— У нас в управлении сто сорок два клиента, — продолжил Янис. — Из них по локдауну выживет, по моему счёту, шестьдесят один. Остальные — лягут. И это, Герман, не вопрос вируса. Это вопрос того, кто они такие. Батурин. Знаешь?

— Знаю. Логистика из Подольска, был у нас на консультации в январе.

— Батурин — паникёр. Я его знаю двенадцать лет. Каждый раз, когда рынок дышит, он бежит к телефону и звонит мне. К апрелю он обнулится. Сам. Без нашей помощи.

Герман молчал. Янис взял вторую устрицу.

— Левицкий. Помнишь, в ноябре открывал позицию по «Сберу»?

— Помню. Мы ему ещё маржу подняли.

— Левицкий пока держится. Но в апреле я ему откажу в маржинколле. Не потому, что он плохой. Он просто лишний. У нас нет ресурса тащить его в такой момент.

Герман молчал и запоминал. Он не записывал — Янис бы не простил блокнота. За четыре года в «Стригине Капитале» научился запоминать точно, надолго и без подсказок. Это был, как он сам про себя думал, единственный профессиональный навык, который нельзя заменить телефоном.

— Соболев, — сказал Янис и остановился. — Соболев, — повторил он, и Герман понял, что об этом клиенте разговора

не будет. Только то, что имя произнесено вслух и оставлено без комментариев.

— Инесса Витальевна, — продолжил Янис, — выживет. У неё хватит характера переждать. Но после локдауна она заберёт деньги у нас и уйдёт. И это — нормально.

— Кто ещё в списке?

— Холоденко. Тоже ляжет, но медленно. Будет умирать полгода, в течение которых будет звонить мне каждый день. Это самое тяжёлое. Не смерть клиента, а его умирание.

Янис доел третью устрицу и потянулся к четвёртой.

— Мартыненко. Ляжет, но не сразу. В мае. У него в Молдавии завод, и ты сам понимаешь. Герман понимал. Мартыненко он знал плохо — клиент Яниса, не его, — но историю завода в Молдавии слышал. Сейчас завод стоял. Денежные запасы Мартыненко были в местной валюте, которая таяла с каждым днём.

— Алёхин, — сказал Янис, и тут впервые за весь список сделал паузу. — Алёхин не ляжет. Принесли лобстера. Герман не смотрел на тарелку. Он смотрел на Яниса, который ел устрицы одну за другой с тем особым спокойствием, которое отличает людей, в чьей власти находится чужое благополучие и которые этой властью не упиваются, а просто живут в ней.

— Ты всё запомнил? — спросил Янис, не поднимая глаз.

— Да.

— Понимаешь, паника — это не стихия. Стихия — это

когда ураган сносит крышу, и ты ничего не можешь сделать. Паника — это сигнал. Сигнал, что кто-то в системе перестал считать. И тот, кто в этот момент продолжает считать, забывает всё.

Герман молчал. Янис выдавил лимон на пятую устрицу.

— Вот смотри. Батурин сейчас, в эту минуту, продаёт всё, что у него есть, по любой цене. Потому что он не считает. Он чувствует. Он на эмоциях и, прости Господи, на каком-нибудь адероле. А Левицкий считает, но считает неправильно — он думает, что мы его вытащим, потому что мы его тащили семь лет. И оба они — и Батурин, и Левицкий — через два месяца будут значительно беднее, чем сейчас. Не потому, что вирус. А потому, что в моменте, когда нужно было считать, они не считали.

— А кто считает?

— Мы считаем. Ты, я, Стригин. И ещё люди в Москве.

Герман подумал об этом. Он подумал о том, что Янис не сказал ему ничего нового — он, в сущности, знал это и раньше, ещё с университета, ещё с первого года в «Стригине Капитале», с тех пор, как в двадцать шесть лет попал в семейный офис из аналитического отдела большого банка и впервые увидел, как именно принимаются решения о чужих деньгах. Но слышать, как это произносится вслух, в пустом ресторане, под шабли, было странно и ново.

— Янис, — сказал Герман. — А кто-то из клиентов сейчас зарабатывает?

Янис поднял глаза от устрицы. Взгляд у него стал на секунду внимательнее, чем был до этого.

— Один. Алёхин. Из тех, кого я тебе не назвал подробно. Он покупает. Но Алёхин — отдельный разговор, и не сегодня.

Шестая устрица была последней. Янис доел её, аккуратно промокнул рот салфеткой и откинулся на спинку стула.

— Ты, — сказал он, — судя по твоему вопросу, уже начал считать.

— Я начал считать давно. Я только не знал, что это разрешено.

— Это не разрешено. Это просто есть. Как гравитация. Никто её не разрешал.

Он потянулся к бутылке и долил себе шабли. Герману не предложил — знал, что Герман за рулём.

— Деньги не пахнут, Герман. Все эти «Нельзя!» — это для впечатлительных. Если человек решает перешагнуть эту черту и перешагивает, к нему уже другое отношение. Потому что победителей, как говорится, не судят. А кто послушал и не перешагнул — молодцы, конечно, но их место в последнем вагоне в конце поезда. Потому что, в итоге, пока толстый сохнет, худой сдохнет.

Внутри у Германа ничего не сдвинулось, потому что сдвигаться было нечему: он и так знал то, что сказал Янис, и полностью одобрял такой подход. Но он отметил, что Янис это всё-таки сказал. Что Янис считает возможным говорить та-

кое вслух. И что для Яниса это не афоризм, а рабочая поговорка, и он произнёс её тем же голосом, каким говорил «Батурин — паникёр» или «Левицкий — лишний».

Герман закончил с лобстером. Принесли счёт. Янис расплатился картой, не глядя на сумму.

Они вышли вместе. На Малой Бронной было всё так же пусто. Где-то далеко, со стороны Садового, доносилась одинокая сирена «скорой».

— Поезжай домой. Завтра в девять у меня. Будем решать, что делать с теми, кто ляжет. Герман кивнул. Янис пошёл к своей машине.

Герман сел в свою. Завёл двигатель. Не тронулся с места.

Он сидел и думал не о Батурине, Левицком, Соболеве, Инессе Витальевне, Холоденко и Мартыненко. Он думал о Янисе. О том, как тот ел устрицы. Как произнёс «Деньги не пахнут» — как рабочую поговорку. О том, что у Яниса сто сорок два клиента, и он решает, кому из них жить в финансовом смысле, а кому нет. И решает он это не из злости и не из жадности — он решает это так, как хирург решает, кого из троих раненых оперировать первым. Без эмоций. По критерию.

Герман подумал «Я хочу так уметь».

Он подумал это без восторга, без горячки. Как констатируешь температуру у себя. Просто: да, хочу.

Ему был тридцать один. Он проработал в «Стригине Капитале» четыре года. У него не было ни своих денег, ни своих клиентов, ни своего имени — только телефонная книга, в которой было сорок два контакта. И все эти сорок два контакта, в сущности, были контактами Яниса.

Ему нужно было начать. И он только что понял — не решил, а именно понял — что он начнёт.

Не сегодня. Не завтра. Но скоро.

Он включил передачу и поехал по пустой Малой Бронной к Садовому, и потом по Садовому к Большой Грузинской, и потом домой, в Строгино. По дороге он ни о чём больше не думал. Он просто слушал, как работает двигатель.

В тот вечер, в Москве, под низким мартовским небом, ещё ничего не началось. Батулин ещё не обнулился. Левицкий пока не получил отказа. Мартыненко ещё жил в надежде, что завод в Кишинёве откроется к лету.

2. Ожог

Первая мысль о собственной схеме пришла Герману в голову не ночью и не в минуту откровения в душе. Она пришла в среду, в половине одиннадцатого утра, в переговорной на четвёртом этаже компании «Стригин Капитал», где он разбирал заявку одного из пенсионных клиентов.

Клиента звали Борис Ильич Прохоров. Ему было семьдесят три года. У него было трое внуков, дача в Истре и портфель в сто двадцать тысяч долларов, которым Стригин управлял уже восьмой год. Раз в квартал Борис Ильич звонил Янису и просил вывести ему пять тысяч на жизнь. Янис передавал заявку Герману. Герман оформлял продажу части позиций. Деньги уходили на счёт Борису Ильичу в банке «Открытие». На этом всё заканчивалось до следующего квартала.

В ту среду Герман смотрел на заявку и думал не о Борисе Ильиче. Он думал о спреде.

Между ценой, по которой «Стригин Капитал» продавал позицию Прохорова на МОЕХ, и ценой, по которой эта позиция уходила в рынок, была разница. Небольшая. Около восьми десятых процента. При пяти тысячах долларов она составляла сорок долларов — сумму, на которую никто не обратил бы внимания. На пятьдесят тысяч — четыреста. На

сто двадцать тысяч — почти тысяча. И тысяча — каждый квартал.

Герман закрыл заявку. Открыл следующую — Ирина Сергеевна Жилина, шестьдесят восемь лет, вдова инженера, портфель восемьдесят тысяч. Те же восемь десятых процента спреда. Те же расчёты. Та же незаметность.

Он посидел минуту, глядя в экран. Потом закрыл обе заявки и пошёл налить кофе.

Идея была не в том, чтобы украсть у Бориса Ильича или у Ирины Сергеевны. Идея была в том, чтобы поставить свой счёт между ними и рынком. Технически это называлось «бордюром» — старая, грязная схема, которую в «Стригине Капитале» в теории не применяли, но про которую каждый аналитик знал.

Суть была проста: клиентская заявка шла в рынок не напрямую, а через подставной счёт оператора. Оператор покупал по нижней цене, продавал клиенту по верхней. Разница оседала у оператора. В выписке клиента всё выглядело чисто. В отчётности брокера — тоже.

Вечером в среду Герман открыл у себя на ноутбуке сайт кипрского банка, рекомендованного когда-то Зелманом. Это был ещё не знакомый Зелман, а просто Зелман — имя в контакт-листе Яниса. Человек, про которого Герман знал только то, что тот помогает открывать счета в кипрских и мальтийских банках. Герман с ним не разговаривал ни разу.

В четверг позвонил ему.

— Мне нужен счёт на Кипре, — сказал Герман. — На физическое лицо. С возможностью принимать и отправлять переводы в долларах и евро. Без российских реквизитов в имени.

Зелман не спросил, зачем.

— Номинальный владелец нужен?

— Да.

— Документы?

— Минимум.

— Двадцать минут, — сказал Зелман. — Я перезвоню.

Он перезвонил через сорок. К тому моменту Герман уже успел подумать, что Зелман не свяжется, и набросал план Б. Но план Б не понадобился.

— Bank of Cyprus, — сказал Зелман. — Имя владельца — Андреас Константину, бизнес-консультант из Лимасола, платит налоги, в базах чистый. Счёт откроют за пять рабочих дней. Стоимость — три тысячи евро в год плюс один процент от оборота свыше ста тысяч. Подтверждаете?

— Подтверждаю.

— Я пришлю вам формы на почту. Заполните. Подпишите. Пришлёте сканы.

Через пять рабочих дней у Германа был счёт в Bank of Cyprus на имя Андреаса Константину, и сам Андреас Константину из Лимасола был уверен, что ведёт консультацион-

ную деятельность для российского инвестора, имя которого ему не сообщили. Таких Андреасов у Зелмана было семеро, как потом выяснилось.

Первая операция прошла в понедельник, тринадцатого июля.

Борис Ильич подал заявку на вывод пяти тысяч. Герман оформил продажу сорока трёх акций «Лукойла» из портфеля Прохорова. По системе Стригина заявка должна была уйти напрямую в торговый терминал МОЕХ. Герман вместо этого направил её через промежуточный счёт Андреаса Константинову. Андреас купил сорок три акции на рынке по 5 121 доллару. Продал Прохорову — по 5 169. Разница — сорок восемь долларов — ушла на счёт Андреаса.

В конце дня Герман выгрузил выписку по клиенту Прохорову. В ней всё было чисто. Цена продажи была в пределах рыночной. Брокерский отдел Стригина не увидел бы ничего, даже если бы стал смотреть.

Герман просидел за столом до восьми вечера, глядя в экран. На экране было сорок восемь долларов. Конечно, это были не деньги. Ценность была в другом — схема работала, и перед ним открывался источник безграничного дохода.

За июль он провёл четыре таких операции — две по Прохорову, две по Жилиной. Итог — двести одиннадцать долларов. В августе — сто сорок. В сентябре, когда Прохоров за-

требовал вывод десяти тысяч на ремонт дачи, — четыреста тридцать. К октябрю на счёте Андреаса Константину лежало восемьсот двадцать долларов.

Герман не снимал эти деньги. Он оставил их на счёте, и это было, как он потом понял, самое умное, что он сделал в той схеме. Снять — значило бы оставить след. Не снимать значило, что операция оставалась внутренним движением, и формально Андреас Константину просто получал консультационные доходы от российского брокера, и платил с них кипрский налог, и всё.

К декабрю сумма достигла трёх тысяч. К январю — пяти. К марту следующего года — почти восемнадцать. Восемнадцать тысяч долларов — деньги, на которые в Москве 2021 года можно было прожить четыре месяца. Герман на них не жил. Он жил на свою зарплату в «Стригине Капитале», тридцать четыре тысячи рублей в месяц после налогов. Восемнадцать тысяч долларов лежали на Кипре и были, как он сам это называл, его первой собственной суммой.

В марте Стригин вызвал его.

Это был первый раз, когда Герман оказался в кабинете Стригина один на один. Тот сидел за столом и смотрел на Германа. Это был человек пожилой, лет семидесяти, с тихим голосом и привычкой молчать перед тем, как сказать что-то важное.

Стригин достал из ящика стола лист бумаги и положил его перед Германом. На листе была распечатка — движение по счёту Андреаса Константину, Bank of Cyprus. Сумма, дата, контрагент.

Герман посмотрел на лист, ничего не сказал. Лицо не изменилось — он начал готовиться к этому разговору ещё две недели назад. Просчитал три варианта ответа, выбрал тот, который казался наименее уязвимым.

— Я слушаю, — сказал Герман.

— Это твой счёт, — сказал Стригин.

— Да.

— Через Зелмана.

— Да.

— Схема «бордюр». Прохоров, Жилина, потом ещё Лопатин.

— Да.

Стригин помолчал.

— Восемнадцать тысяч, — сказал он.

— Семнадцать восемьсот сорок два доллара пятьдесят центов.

Стригин посмотрел на него. На секунду в его взгляде возникло что-то, чего Герман не смог прочитать. Потом это прошло.

— Ты не боишься? — спросил Стригин.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не сделал ничего, что выходило бы за рамки моих полномочий. Я не подделал заявку. Я не изменил цену клиенту. Я не скрыл движение в отчётности. Я поставил промежуточный счёт между клиентом и рынком. Это формально разрешено. Фактически — серая зона.

— Фактически — это кража, — сказал Стригин ровно.

— Да, — сказал Герман. — Это кража. Стригин снова помолчал.

— Ты признаёшь.

— Я не отрицаю. Отрицать было бы глупо. У вас распечатка.

— И что мне с тобой делать?

— Это решать вам.

Стригин откинулся на спинку стула. Долго смотрел на Германа. Потом улыбнулся. Не зло, не добро. Просто улыбнулся.

— Верни деньги Прохорову и Жилиной. Тихо. Через обратную операцию. На их счета. Без объяснений.

— Хорошо.

— И больше так не делай.

— Хорошо.

— Иди.

Герман встал и вышел. В коридоре он остановился на секунду. Сердце билось ровно. Он не испытал ни страха, ни стыда, ни облегчения. Он испытал только одно — тихую, ровную радость от того, что Стригин его не уволил.

Это и было началом школы.

Вечером он провёл обратные операции — восемнадцать тысяч разошлись по счетам Прохорова и Жилиной в виде «Корректировки брокерского вознаграждения». Ни Прохоров, ни Жилина никогда не узнали, что эти деньги у них вообще были.

А Стригин, как понял позже Герман, стал с тех пор приглядываться к нему. Не как к подозреваемому, а как к перспективному игроку.

3. Лиза

С Лизой Вахтеревой Герман познакомился в сентябре, на Дне рождения племянницы Яниса. Янис пригласил его без объяснений, просто сказал: «Приходи. Будет пара полезных людей». Герман пришёл, потому что не прийти было нельзя.

Лиза стояла у окна с бокалом белого вина. Ей было двадцать четыре. Тёмные волосы, красивое лицо, тихий голос. Она работала в галерее на Покровке, вела курсы искусствоведения, жила с родителями в Одинцово. Это Герман узнал в первые двадцать минут разговора.

Отец Лизы — Аркадий Петрович Вахтерев — владел небольшой строительной компанией. Не «Галс», не ПИК и не «Самолёт». Середняк. Двенадцать завершённых объектов за пятнадцать лет. Три текущих. Два земельных банка в Одинцовском округе — общей площадью около четырёх гектаров. Землю купили в 2014 году под складскую застройку, но зонирование тогда не сложилось. С тех пор Вахтерев ждал.

Герман узнал это не от Лизы. Лиза говорила о выставках, о Венеции, о том, как ей не нравится московская биеннале. Остальное Герман выяснил в понедельник утром, через открытые базы ЕГРЮЛ и «Росреестра» и ещё через один звонок знакомому юристу, который работал с подмосковной землёй.

Звонок юристу был коротким.

— Участки на Новой Риге, около четырёх гектаров, владеец — ООО

«Вахтерев-Девелопмент». Что там с зонированием? Юрист перезвонил через два часа.

— Сейчас сельхоз. Но в августе в администрации Одинцовского округа обсуждали перевод трёх участков под ИЖС. Решение, судя по всему, будет в декабре. После перевода цена земли вырастёт в три-четыре раза.

— Кто обсуждал?

— Не знаю. Но мой источник в администрации говорит, что вопрос решён.

Герман поблагодарил и положил трубку. Потом открыл калькулятор. Четыре гектара под ИЖС в Одинцовском округе при цене пятнадцать тысяч рублей за сотку — шесть миллионов за гектар, двадцать четыре миллиона за весь банк. Под сельхозом та же земля стоила три тысячи за сотку. Один миллион двести тысяч за гектар. Четыре миллиона восьмисот тысяч за весь банк. Разница — девятнадцать миллионов рублей. Если перевод состоится, это будет уже не сельхоз, а готовые коттеджные участки под застройку.

Герман закрыл калькулятор. Подумал. Позвонил Лизе.

— Лиза, хочу встретиться с вами. Как насчёт ужина?

— Можно, — сказала Лиза.

Они поужинали в четверг в ресторане на Чистых прудах.

Лиза говорила о выставках. Герман слушал. Где-то между третьим и четвёртым блюдом он спросил:

— А что ваш отец делает?

— Строит. У него небольшая компания. Он не любит рассказывать о работе.

— А земля у него есть?

— Есть. Под Одинцово. Он её уже шесть лет держит. Говорит, что когда-нибудь там будут коттеджи.

Герман кивнул. Больше он об этом не спрашивал.

В октябре они виделись пять раз. В ноябре — восемь. В конце ноября Герман познакомился с Вахтеревым. Вахтерев — мужик лет шестидесяти, крепкий, с большими руками. Он принял Германа в своём офисе на Кутузовском, предложил чай, поговорил о погоде, о рынке стройматериалов, о том, что «сейчас трудное время, но мы держимся». Не спросил ни о доходах, ни о планах. Когда Герман уходил, Вахтерев сказал:

— Лиза — хороший человек. Береги её. Герман кивнул.

В феврале он сделал предложение. Лиза приняла. Свадьбу назначили на май. Семья Вахтеревых взяла на себя ресторан, гостей и всё остальное. Герман оплатил кольца, платье и медовый месяц в Стамбуле.

За день до свадьбы, вечером, Лиза приехала к нему в

квартиру на Строгино.

— Мне нужно тебе сказать, — сказала она.

Они сидели на кухне. Лиза держала чашку с чаем обеими руками. Чашка была чуть тёплая.

— Я беременна, — сказала Лиза. — Восемь недель.

Герман молчал. Пятнадцать секунд. За эти пятнадцать секунд он просчитал три вещи.

Первое: с ребёнком Лиза минимум год не сможет работать. Второе: развод, если он когда-нибудь понадобится, обойдётся дороже. Третье: Вахтерев будет вынужден доверять зятю с внуком на руках больше, чем зятю без внука.

Третье соображение перевесило.

— Я рад, — сказал Герман.

— Правда?

— Правда.

Лиза заплакала. Герман обнял её.

Свадьба прошла в ресторане в Барвихе. Было семьдесят четыре гостя. Со стороны Вахтеревых — пятьдесят два, со стороны Германа — трое: Янис, Стригин и Зелман. Зелман пришёл без приглашения, но его не выгнали. Он сел за дальний стол, пил минеральную воду и наблюдал.

В середине вечера Янис подошёл к Герману.

— Хорошая свадьба, — сказал Янис.

— Спасибо.

— Вахтерев — крепкий мужик. Земля под Одинцово —

хороший актив.

Герман посмотрел на него.

— Я знаю, — сказал Янис. — Знаю уже два года. Ждал, когда ты сам дойдёшь.

— И?

— И ничего. Это твоя сделка. Я в ней не участвую. Но если что-то понадобится — позвони.

Герман кивнул. Янис ушёл к своему столу.

В тот же вечер, после полуночи, когда гости разъехались и Лиза заснула в номере, Герман вышел на балкон. Было холодно. Под балконом, в темноте, располагался сад ресторана, дальше — лес. Герман стоял и думал не о Лизе, ребёнке и свадьбе. Он думал о земле.

Через три недели после свадьбы администрация Одинцовского округа опубликовала проект перевода трёх участков под ИЖС. Среди них были оба участка Вахтерева. В проекте стояла дата публичных слушаний — сентябрь.

В сентябре Лиза была на седьмом месяце. Публичные слушания прошли без эксцессов. В декабре Совет депутатов Одинцовского городского округа принял решение о переводе. Земля Вахтерева официально стала ИЖС.

В январе Герман позвонил Вахтереву.

— Аркадий Петрович, я бы хотел поговорить о земле.

— О чём именно?

— Я бы хотел войти в проект. Как партнёр. У меня есть кое-какие деньги и есть понимание, как это можно развить.

Вахтерев молчал. Долго. Потом сказал:

— Приезжай в субботу. Поговорим.

В субботу Герман приехал в Одинцово. Вахтерев принял его в кабинете у себя дома. На столе лежали документы на землю.

— Я не хочу продавать, — сказал Вахтерев.

— Я и не прошу продавать. Я прошу пятьдесят процентов в проекте застройки. Земля остаётся за вами. Деньги на проект — мои. Прибыль — пятьдесят на пятьдесят.

— Зачем тебе это?

— Потому что это хороший проект. И потому что вы — отец моей жены. Вахтерев молчал минуту. Потом кивнул.

— Пятьдесят на пятьдесят. Но ты отвечаешь за всё, что касается денег.

— Договорились.

Договор они подписали в феврале. К тому моменту Лиза была на восьмом месяце. Алиса родилась в марте, в роддоме на Каширке. Герман провёл в роддоме три дня — формально присутствовал, реально отвечал на звонки и согласовывал первые транши по проекту Вахтерева с ноутбуком на коленях в коридоре. На четвёртый день он уехал в офис.

Землю под Одинцово начали застраивать в апреле. К концу года четыре участка из двенадцати продали под застройку. Деньги пошли. Небольшие, но пошли.

Герман сидел в кабинете в Строгино и смотрел на экран. На экране была выписка по проекту. Цифры были скромные. Но это были уже не сорок восемь долларов с пенсионного клиента, а первая настоящая сделка, в которой он был не оператором, а партнёром.

Он закрыл ноутбук. Позвонил Зелману.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Герман. — Лично.

— Когда?

— Завтра.

— Хорошо. Завтра в десять, у меня.

Зелман положил трубку. Герман посидел ещё минуту. Потом открыл ноутбук и набрал в поисковике «Polymarket».

Это было в марте 2021 года. Алисе было три недели. Лиза спала в соседней комнате с коляской у кровати. Герман читал про прогноз-рынки и думал, что ему нужно научиться чему-то большему, чем «бордюр» и подмосковная земля. Деньги Вахтерева были хорошими деньгами, но чужими. Герману нужны были свои.

4. Зимний газ

В декабре 2020 года у Германа на счету Андреаса Константино лежало три тысячи двести долларов. Три тысячи двести — за пять месяцев «бордюра». Это был потолок схемы.

«Бордюр» работал, пока клиент подавал заявку на вывод. Заявки на вывод у пенсионеров были раз в квартал, пять-десять тысяч долларов. Спред составлял восемь десятых процента. Сорок долларов с заявки. Увеличить оборот можно было только одним способом — обрабатывать больше клиентов. А больше клиентов означало больше следов и больше риска. Нужна была другая механика.

Идея пришла не от Зелмана и не от Яниса. Она пришла из учебника. Герман читал про фронтраннинг ещё в магистратуре, в курсе по устройству биржи, который вёл приезжий лектор из Франкфурта. Лектор объяснял: фронтраннинг — это когда оператор видит крупный клиентский ордер раньше, чем тот уходил в книгу заявок, и ставил свой ордер в ту же сторону раньше. Клиентский ордер двигал цену. Ордер оператора закрывался с прибылью.

В теории — преступление. На практике почти невозможно доказать, если оператор не засвечивался.

В компании «Стригин Капитал» у Германа был доступ

к терминалу, в котором клиентские заявки появлялись за тридцать-сорок секунд до того, как уходили в торговую систему МОЕХ. Это было сделано, чтобы аналитик мог проверить заявку на ошибки. За эти тридцать-сорок секунд Герман видел объём, направление, тикер.

Этого было достаточно.

Первая операция прошла в понедельник, четырнадцатого декабря. Янис передал ему заявку одного из крупных клиентов Стригина — пенсионный фонд «Долголетие», выводил два миллиона долларов из «Сбербанка». Обычная операция ребалансировки. Заявка должна была уйти в МОЕХ в 14:32.

В 14:31:18 Герман зашёл в терминал Андреаса Константину. Доступ — через мобильный интернет, не офисный, через приватную линию, которую Зелман настроил ему ещё в октябре. Поставил лимит-ордер на покупку пяти тысяч акций «Сбербанка» по текущей цене. Ордер ушёл в книгу.

В 14:32:00 заявка «Долголетия» ушла в рынок. Два миллиона долларов против голубой фишки. Цена сдвинулась вверх на три десятых процента за двенадцать секунд. Ордер Андреаса Константину исполнился в первые четыре секунды.

В 14:34:00 Герман продал пять тысяч акций по новой цене. Прибыль — тысяча четыреста долларов за три минуты.

Второй ордер — в среду, шестнадцатого декабря, по «Лукойлу». Клиент Стригина, физическое лицо, покупал пакет

на триста тысяч долларов. Герман опередил на двадцать секунд. Прибыль — восемьсот семьдесят долларов.

Третий — в четверг. Семьсот двадцать.

К концу декабря на счету Андреаса Константину лежало семь тысяч сто долларов. За три недели — столько же, сколько за полгода использования «бордюра».

В январе — пятнадцать тысяч. В феврале — двадцать три. Схема была простая, и Герман быстро её отладил. Он никогда не ставил ордер раньше, чем за тридцать секунд до клиентского. Никогда не закрывал позицию раньше, чем через две минуты после исполнения клиентского. Никогда не брал больше одной операции в день. Никогда не трогал акции, которые шли через Стригина реже, чем раз в неделю. Это оставалось в рамках случайного шума, и в отчётности брокера не выделялось.

Главное было — не жадничать. И Герман не жадничал.

В тот же вечер в понедельник, четырнадцатого декабря, после первой операции фронтраннинга, Герман дома открыл криптобиржу. Счёт на Kraken, на имя того же Андреаса Константину, открытый в ноябре. Перевёл с кипрского счёта три тысячи долларов. Купил четыре целых и две десятых эфира по семьсот двадцать долларов за штуку.

Эфир в декабре 2020 стоил от шестисот до семисот пяти-

десяти долларов. В ноябре — четыреста. Год назад, в декабре 2019-го, — сто двадцать. Герман следил за графиком полугода. Он не понимал до конца, что такое Ethereum, как технически устроен, зачем нужны смартконтракты. Но он понимал другое: после марта 2020 года, после ковидного обвала, в крипту пошли деньги, которые раньше шли в традиционные активы. И они не уйдут обратно, пока процентные ставки ЦБ США останутся около нуля. А ставки останутся.

Это была ставка на траекторию: у тренда вероятность продолжиться выше, чем измениться. В январе эфир рос. В начале февраля — тысяча семьсот. Герман не торопился. Он читал графики, читал Twitter, реддит-треды про gas fees, Ethereum 2.0 и стейкинг. Ждал.

Он продал четыре и две десятых эфира второго февраля 2021 года по тысяче семистам тридцати восьми долларам за штуку. Итог — семь тысяч триста двадцать долларов.

Минус комиссии биржи и банковский перевод — шесть тысяч девятьсот сорок. Чистая прибыль за два месяца — три тысячи семьсот сорок долларов. Столько же, сколько за пять месяцев «бордюра».

Через неделю он повторил. Купил три эфира по тысяче шестьсот. Продал через десять дней по две тысячи двести. Плюс тысяча восемьсот. Это было легче, чем фронтраннинг, и почти так же прибыльно. Но эфир был волатильный, и одна

ошибка — вход на пике — могла стоять полугодовой прибыли. Герман понимал это.

К концу февраля 2021 года у него на счету Андреаса Константину было тридцать одна тысяча долларов. Из них четырнадцать — фронтраннинг, десять — эфир, семь — бордюр. За вычетом налогов, которые он не платил, потому что кипрский счёт на Андреаса Константину не светился в российских базах.

Тридцать одна тысяча долларов. За четырнадцать месяцев. Герман не считал это большими деньгами.

В субботу двадцать седьмого февраля Герман поехал в Одинцово. Лиза пригласила его на обед. Мать Лизы — Нина Павловна — готовила борщ и курицу с рисом. Отец — Аркадий Петрович — был у себя в кабинете, вышел только к столу, поел молча, посмотрел на Германа, кивнул, ушёл обратно.

Нина Павловна была женщиной лет пятидесяти пяти, с крашеными русыми волосами и тихим голосом. Она работала когда-то учительницей литературы в одинцовской школе, теперь вела хозяйство и иногда подрабатывала репетиторством. После обеда она позвала Германа на кухню, налила чай, села напротив.

— Герман, — сказала она. — Я хочу у вас спросить. Прямо.

— Спрашивайте.

— Вы давно встречаетесь с Лизой. Она вас любит. Я вижу. Но я мать, и я должна знать.

— Что именно?

— Чем вы собираетесь жить? Какая у вас зарплата? Какие перспективы?

Герман не моргнул. Этот разговор он просчитал ещё в декабре. Знал, что рано или поздно он будет. Решил, как именно будет отвечать.

— Моя зарплата в «Стригине Капитале» сто двадцать тысяч рублей в месяц после налогов, — сказал Герман. — Плюс квартальный бонус. В этом году суммарно я заработал около двух миллионов рублей. В следующем — рассчитываю на три.

Реальная зарплата — тридцать четыре тысячи. Реальный годовой доход — четыреста восемь тысяч рублей. Цифра, которую он назвал, была в три с половиной раза больше реальной.

— А перспективы? — спросила Нина Павловна.

— Через два-три года Янис обещает мне позицию младшего партнёра. Это уже не зарплата, это доля в фонде.

— А наследство? У вас есть что-то от родителей?

— Квартира в Строгино. Больше ничего.

— Квартира — это хорошо.

Нина Павловна помолчала. Потом спросила:

— А вы хотите детей?

— Да, — сказал Герман. — Хочу.

— Лиза тоже хочет. Она вам ещё не говорила?

— Говорила.

— И что вы?

— Я тоже хочу. Через год-два. Сначала встанем на ноги.

Нина Павловна кивнула. Потом помолчала. Потом сказала:

— Я вам верю. Но если что-то пойдёт не так — вы мне скажите. Не прячьте. Аркадий Петрович не любит, когда от него прячут. Я — тоже.

— Хорошо, — сказал Герман. — Я скажу. Он не сказал бы.

В одиннадцать вечера он вернулся в квартиру в Строгино. Лиза осталась в Одинцово — завтра они должны были вместе поехать в галерею. Герман сел за стол, открыл ноутбук, открыл зашифрованный текстовый файл на рабочем столе.

Зарплата в «Стригине Капитале»: 34 000 рублей в месяц. Зарплата, которую он назвал Нине Павловне: 120 000 рублей в месяц. Разница: 86 000 рублей в месяц. Миллион тридцать две тысячи в год.

Сумма, которой у него не было. Сумма, которую он теперь должен был поддерживать — на случай, если Нина Павловна расскажет Лизе, а Лиза спросит его, и он должен будет сказать то же самое.

Герман выключил свет. Лёг спать. На часах было четверть

первого. Утром ему нужно было быть в офисе Стригина к девяти, Янис обещал дать ему на разбор новый список клиентов, которых планировали выводить из портфеля до конца первого квартала. В списке было семнадцать имён. У троих были заявки на вывод крупных позиций. Две по «Сберу», одна по «Лукойлу».

Герман заснул за три минуты. Ему не снилось ничего.

В марте Зелман позвонил во вторник вечером. Это было необычно, Зелман обычно звонил в первой половине дня и, как правило, по конкретному поводу. Сейчас он просто сказал: «Завтра в десять, у меня. Есть разговор». И положил трубку.

Герман приехал в десять. Офис Зелмана, две комнаты на четвёртом этаже дома на Тверской, без вывески, на двери табличка «Mark Zelman Advisory». Секретаря не было. Зелман открыл дверь сам, провёл в кабинет, налил кофе из кофемашины, сел напротив.

— У меня есть доля в одном проекте, — сказал Зелман.
— Я хочу предложить тебе войти.

— В каком проекте?

— Бинарная платформа. Называется «OptionElite». Запустили в декабре, работает три месяца. Оборот сто семьдесят пять тысяч за январь-февраль. Чистая прибыль девяносто пять. У меня двадцать пять процентов. Я готов уступить тебе пятнадцать.

Герман не ответил сразу. Он смотрел на Зелмана и считал. Пятнадцать процентов от девяноста пяти тысяч за два месяца — четырнадцать тысяч. За два месяца. Семь тысяч в месяц. За год — восемьдесят четыре тысячи. За вычетом налогов — около шестидесяти. Столько, сколько он зарабатывал фронтраннингом и эфиром вместе за четырнадцать месяцев.

— Что за платформа? — спросил Герман.

— Обычная бинарная кухня. Целевая аудитория — провинция, от двадцати пяти до сорока пяти лет, доход от пятидесяти до ста тысяч рублей в месяц. География — Нижний, Казань, Пермь, Самара, Ростов. Москву и Питер не трогаем, там слишком много грамотных.

— Как устроена? Зелман отпил кофе.

— Технически движок на серверах в Белграде, фронтенд на Кипре, юрлицо на Сейшелах. Клиент регистрируется, кладёт депозит, обычно двести-пятьсот долларов. Ему автоматически начисляется бонус сто процентов от депозита. Бонус на отдельный счёт, вывести нельзя, но можно использовать для ставок. Условие вывода основного депозита оборот тридцать икс. То есть клиент должен сделать ставок на сумму в тридцать раз больше депозита, прежде чем сможет вывести хотя бы доллар.

— Сколько клиент делает ставок в среднем?

— Около сорока за сессию. Двадцать-тридцать сессий до полного слива. То есть от депозита до нуля три-пять недель.

— Выигрыши бывают?

— Бывают. Около трёх процентов клиентов выигрывают в первой сессии. Из них половина проигрывает во второй. Из тех, кто выигрывает три сессии подряд, мы отсекаем около половины через технические сбои. Если клиент системно выигрывает больше тридцати процентов от депозита за сессию — движок отменяет ставку с формулировкой «Сбой исполнения». Если клиент выигрывает пять сессий подряд, аккаунт оптимизируется: увеличивается спред, замедляется исполнение, в крайнем случае блокируется вывод.

Формально за нарушение правил площадки. Реально за то, что клиент стал дорогим.

— Реклама?

— ВК. Через «учителей по инвестициям». Пять каналов, у каждого от тридцати тысяч до ста двадцати тысяч подписчиков. Контент типа «Как я заработал на бинарных опционах»,

«Топ-5 стратегий», «Разбор сделок». В конце каждого поста рефералка на «OptionElite». Конверсия около двух процентов от подписчика к регистрации. Регистрация к депозиту сорок процентов. Средний LTV двести восемьдесят долларов. Стоимость привлечения сорок пять.

Зелман замолчал. Допил кофе.

— Механика понятная, — сказал Герман. — Что нужно от меня?

— Двадцать тысяч долларов. Пятнадцать — вход, пять — операционные расходы первого квартала. Деньги — на кипр-

ский счёт, на имя другого номинала, не Андреаса. Николаос Иоанну, бизнес-консультант из Никосии. У меня таких Николаосов четверо. Все платят налоги, все в базах чистые, ни один не знает, что он владеет долей в бинарной платформе.

Герман подумал. Двадцать тысяч — две трети того, что у него было на счету. Рискованно. Но четырнадцать тысяч за два месяца на бумаге — уже не риск, а инвестиция с коротким сроком окупаемости. Полтора месяца.

— Документы?

— Тростовая декларация на Кипре. Доля — через траст, не напрямую. Ты — бенефициар, Николаос — номинальный держатель. В российских базах тебя нет. В кипрских — тоже.

Только в декларации траста, которая хранится у адвоката в Никосии. Адвокат — мой, проверенный.

— Кто ещё в доле?

— Я — двадцать пять. Ты — пятнадцать. Киприот-партнёр — двадцать. Инвестор из Дубая — двадцать. Технический партнёр в Белграде — двадцать.

— Кто киприот, кто из Дубая, кто в Белграде?

— Не нужно знать, — сказал Зелман. — Пока не нужно.

Герман кивнул. Он понял. Это была первая проверка — Зелман хотел посмотреть, примет ли Герман «Не нужно знать» без споров. Герман принял.

— Хорошо, — сказал Герман. — Я переведу двадцать тысяч завтра.

Зелман кивнул. Потом достал из ящика стола папку — в

ней были документы: трастовая декларация, протоколы собраний учредителей, выписки по платформе за декабрь-февраль, финансовая модель на двенадцать месяцев.

— Почитай, — сказал Зелман. — Вопросы — мне.

Герман взял папку. Встал. На двери обернулся.

— Марк, — сказал Герман. — Один вопрос.

— Да?

— Сколько таких платформ у тебя уже было? Зелман помолчал. Потом ответил:

— Это первая, в которой ты участвуешь.

Герман понял. Это не был ответ на вопрос. Но он кивнул и вышел.

Через неделю Николаос Иоанну стал обладателем пятнадцати процентов «OptionElite». В апреле Герману пришла первая выписка. Доход — семь тысяч двести долларов. В мае — девять тысяч сто. В июне — одиннадцать тысяч триста. За три месяца — двадцать семь тысяч шестьсот. На счету Николаоса Иоанну.

Герман не снимал эти деньги. Они лежали и росли. К концу июня на счёте было тридцать три тысячи — почти вдвое больше, чем он вложил.

В июле случилась Пермь. Клиента звали Сергей Анатольевич Краснов, тридцать восемь лет, строитель, работал на себя — бригада из шести человек, отделка квартир под ключ.

Жена, двое детей. Доход — сто двадцать тысяч рублей в месяц, в хороший месяц — сто восемьдесят.

Клиент зарегистрировался на «OptionElite» в апреле. Положил три тысячи пятьсот долларов — это были сбережения, отложенные на ремонт собственной квартиры. За три недели проиграл всё. Положил ещё две тысячи — продал зимнюю резину с машины, взял кредит на пятьдесят тысяч рублей. Проиграл. Положил ещё пять тысяч — продал машину,

«Ладу Гранту», за триста двадцать тысяч рублей. Проиграл.

Восьмого июля, в четверг, после третьего слива за вечер, Сергей Краснов выпил две упаковки цитрамона. Жена нашла его через два часа, вызвала скорую. Откачали. Два дня он пролежал в реанимации.

Жена подала заявление в полицию. Полиция отказала — платформа зарегистрирована на Сейшелах, формально претензий к российскому юристу не было. Жена написала в «Контур», независимый портал. Журналистка «Контура» Алина Воронцова начала копать. Зелман позвонил Герману в среду вечером, через неделю после случая.

— У нас проблема в Перми, — сказал Зелман. — Один клиент пытался... Журналист из «Контура» копает.

— Насколько плохо? — спросил Герман.

— Пока вялотекуще. Журналисту нужно две-три недели, чтобы собрать материал. Мы уже вернули клиенту депозит — восемь тысяч пятьсот долларов, с извинениями. Жена за-

брала заявление из полиции. Но «Контур» может опубликовать.

— И что тогда?

— Тогда мы перезапустим платформу под новым брендом. «OptionElite» умрёт, родится «OptionPro» или как-то так. Старые клиенты получают письмо — «Мы переходим на новую платформу с лучшими условиями». Семьдесят процентов перейдут.

Герман молчал. Он думал не о клиенте в Перми. Не о жене этого игрока и двух детях, которые два дня ждали, пока отца откачают врачи. Герман думал о бренде. «OptionElite»

— хорошее название. Жаль его терять.

— Хорошо, — сказал Герман. — Делай, как считаешь нужным. Зелман положил трубку.

Через полторы недели «Контур» опубликовал небольшую статью. Тысяча восемьсот знаков, с упоминанием «OptionElite». Название — «Бинарная кухня», без конкретики, но с цитатой жены Краснова: «Он проиграл всё за два месяца. Я не знала, что это вообще возможно».

Через четыре часа после публикации «OptionElite» была отключена. Все клиенты перенесены на «OptionPro» — другой домен, другой движок, та же команда, тот же офис в Белграде. Письма клиентам ушли в тот же час. По прогнозу Зелмана, к концу недели восемьдесят процентов клиентов перейдут на новую платформу.

Герман читал публикацию «Контура» в кабинете в Строгино. Прочитал два раза. «Плохо для бренда». Потом взглянул на это как на амортизацию: неизбежные и необходимые затраты для сохранения бизнеса.

Вечером он открыл выписку по Николаосу Иоанну. Тридцать три тысячи долларов. Плюс за июль ещё восемь тысяч. Сорок одна тысяча на счёте. Из них двадцать вложенные.

Двадцать одна чистая прибыль за четыре месяца.

Герман закрыл ноутбук. Он опробовал четыре источника дохода. «Бордюр» почти умер, фронтраннинг Стригин рано или поздно заметит, поэтому с ним тоже надо завязать. Эфир слишком непредсказуем. И «OptionPro» десять-одиннадцать тысяч в месяц, стабильно, через подставных лиц, без российского следа. Один стабильный источник. Мало.

Герман понимал, что бинарные платформы — конечная схема. Через год-два рынок насытится, регуляторы начнут давить, клиентов станет труднее привлекать, маржа упадёт. Нужна следующая схема. Что-то, что он ещё не пробовал. Что-то, что масштабируется.

Он не знал, что именно. Пока не знал.

Герман выключил свет и лёг спать. На часах было полночь. За окном было тихо. Где-то в Перми Сергей Краснов лежал в палате, и жена спала рядом на раскладушке. Герман об этом не думал. Он думал о следующей схеме.

5. Учитель

В августе, через две недели после перезапуска «OptionPro», Зелман позвонил Герману и пригласил на ужин. Не в офис на Тверской, а в ресторан «Кафе Пушкинъ», на второй этаж, в дальний зал. На семь вечера.

Герман приехал в семь. Зелман уже сидел за столом — без пиджака, в белой рубашке, с двумя телефонами на скатерти рядом с тарелкой. Один телефон — обычный, российский номер. Второй маленький, чёрный, без логотипа. Герман обратил внимание. Зелман заметил.

— Этот для тех, кто не должен знать мой российский номер, — сказал Зелман. — Австрийская симка, регистрация на венского адвоката. Платит он, разговариваю я. Сядь.

Герман сел. Официант принёс меню. Зелман не открыл его.

— Возьмём форель и шабли. Ты не против?

— Не против.

Зелман кивнул официанту. Тот ушёл.

— Я хочу с тобой поговорить, — сказал Зелман. — Не про «OptionPro». Про другое.

— Слушаю.

— Ты заработал за четыре месяца двадцать одну тысячу долларов на бинарной платформе. И ещё тридцать одну — на фронтраннинге и эфире. Итого — пятьдесят две тысячи

за четырнадцать месяцев. Это неплохо для аналитика. Это мало для человека, который хочет большего.

Герман не ответил.

— Я хочу научить тебя одной вещи, — сказал Зелман. — Не потому, что я такой добрый. Мне через два года понадобится партнёр, который умеет делать то, что я тебе покажу. И я предпочитаю учить человека заранее, а не на ходу.

— Чему именно?

Зелман достал маленький телефон. Открыл браузер. Показал экран Герману. На экране был сайт — Polymarket. Два графика — YES и NO, цена каждой ставки в центах.

Заголовок: «Will the German federal election in 2021 result in a coalition led by the SPD?»

— Ты знаешь, что это? — спросил Зелман.

— Слышал. Прогноз-рынок. Но не разбирался.

— Тогда слушай. Polymarket — это биржа, на которой торгуют исходами событий. Не акциями, не товарами — исходами. «Пройдёт ли брекзит?», «Кто выиграет выборы в Аргентине?», «Будет ли ЦБ США повышать ставку в декабре?». Каждый исход — это бинарный контракт. «Да» или «Нет». Цена контракта — от нуля до одного доллара. Цена отражает вероятность, которую рынок присваивает исходу. Если контракт YES стоит 60 центов — рынок считает, что вероятность 60%. Если ты покупаешь YES по 60 и исход сбывается — ты получаешь доллар, прибыль 40 центов. Если не сбывается — теряешь 60.

— Кто выставляет контракты?

— Платформа. Они создают рынки на события, которые интересны аудитории. Политика, спорт, экономика, культура. Сейчас — около двухсот активных рынков. Оборот — сотни миллионов долларов в месяц.

— Кто торгует?

— Все. Криптотусовка, хедж-фонды, политические консультанты, просто азартные люди. И люди с инсайдом.

Зелман замолчал. Официант принёс форель и бутылку шабли. Налил по бокалам. Ушёл.

— Вот тут, — сказал Зелман, — начинается главное. Polymarket — это единственный крупный рынок, на котором инсайд ещё не запрещён формально. На бирже — запрещён. На ставках — запрещён. Но «Полимаркет» — серая зона. Платформа базируется в США, юридически — как прогноз-рынок, не как биржа. Регулятор пока не определился. Что это означает на практике: человек, который знает исход раньше рынка, может ставить без юридического риска. До поры до времени.

— И ты хочешь, чтобы я научился это делать?

— Я хочу, чтобы ты научился видеть, где у тебя есть преимущество. Инсайд — это не всегда знание исхода. Иногда это знание, что рынок ошибается. Иногда — знание, что через два часа выйдет новость, которая сдвинет цену. Иногда — знание, кто ещё ставит на этом рынке и почему. У тебя есть доступ к клиентским потокам в «Стригине Капита-

ле». У тебя есть связи в подмосковной администрации, через Вахтерева. У тебя есть криптоинфраструктура. Через год у тебя будет больше. Всё это преимущества, если уметь их конвертировать в ставку.

— Покажи пример.

Зелман кивнул. Достал из внутреннего кармана пиджака лист бумаги, сложенный вчетверо. Развернул, положил на стол. На листе от руки было написано: «Чили. Референдум о новом конституционном собрании. Октябрь 2021. Текущая цена YES — 38 центов. Реальная вероятность — 55».

— Что это? — спросил Герман.

— Это наводка. У меня есть знакомый в Сантьяго, работает в аппарате Конгресса. Неделю назад он сказал мне, что внутренние опросы правительства показывают 54—57% за YES, а рынок держит 38, потому что верит опросам, которые публикуются в прессе, а те

— устаревшие. Через три-четыре недели, когда правительство опубликует свежие данные, цена пойдёт к 55. Можно войти сейчас по 38, выйти по 52—54. Доходность — тридцать пять-сорок процентов за месяц.

— Зачем ты мне это даёшь?

— Это проверка, — сказал Зелман. — Я хочу посмотреть, что ты сделаешь с этой информацией. Поставишь сам, поставишь через подставных, попросишь меня поставить за тебя, не поставишь вообще. Любой вариант правильный. Выбор скажет мне, кто ты.

Герман взял лист. Прочитал ещё раз. Сложил, убрал в карман рубашки.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Просто подумай.

Под конец ужина Зелман заговорил. О погоде в Вене, где провёл прошлую неделю. О литературе — он читал Зебальда, Герман Зебальда не читал. О своём отце, который эмигрировал из Вены в 1974 году и открыл в Тель-Авиве маленькую часовую мастерскую. О втором паспорте — израильском, по отцовской линии.

— У тебя есть второй паспорт? — спросил Зелман.

— Нет.

— Подумай об этом. Не сейчас, через год-два. Российский паспорт — это всё более слабый актив. Особенно для человека, который собирается делать то, что собираешься делать ты.

Герман кивнул. Он не собирался ничего делать — он уже делал. Но Зелману об этом знать не нужно было.

В половине одиннадцатого Зелман расплатился, встал, накинул пиджак. Кивнул и ушёл. Герман остался за столом ещё на десять минут. Допил шабли. Потом расплатился за свой бокал — Зелман оставил чаевые, но счёт за алкоголь Герман взял на себя. Это было незаметно, но правильно.

В полночь он был дома в Строгино. Сел за стол, открыл ноутбук, зашёл на Polymarket. Создал аккаунт — на имя Ни-

колаоса Иоанну, через криптокошелёк, который Зелман помог ему открыть в июле. Завёл тысячу долларов в USDT с кипрского счёта — через Kraken, через два хопа, чтобы не засвечивать прямой перевод с Bank of Cyprus.

Думал полтора часа. Не о том, ставить или нет. О том, как ставить.

Если ставить один раз, большой суммой — это видно. Если ставить маленькими порциями через несколько аккаунтов, это занимает время и оставляет след. Если попросить Зелмана поставить за него, Зелман становится оператором, а Герман — пассажиром. Это не то, что Зелман хотел увидеть.

Герман открыл калькулятор. Цена YES — 38 центов. Он купил две тысячи контрактов YES на семьсот шестьдесят долларов. Не на тысячу, не на десять тысяч. Маленькая позиция, которая не сдвинула бы рынок, не привлекла бы внимания, но принесла бы реальные деньги, если бы исход сбылся.

Потом он закрыл ноутбук и лёг спать.

Утром, в среду, он проснулся в шесть. Полежал минуту. Потом встал, открыл ноутбук, посмотрел на позицию. Цена YES за ночь поднялась до 39,5. Он ничего не сделал.

Закрыл ноутбук, пошёл в офис.

В четверг цена была 40,2. В пятницу — 41,8. В понедельник — 43,5. Рынок начинал замечать то, что Зелман сказал ему неделю назад.

Герман не продавал. Ждал.

Двадцать второго сентября чилийское правительство опубликовало свежие данные опросов. YES — 56%. Цена на Polymarket за полтора часа прыгнула с 44 до 53. Герман продал две тысячи контрактов по 52,4. Выручка — тысяча сорок восемь долларов.

Прибыль — двести восемьдесят восемь долларов на вложенные семьсот шестьдесят. Тридцать восемь процентов за пять недель.

Это были маленькие деньги. Герман знал, что они маленькие. Но это был ответ Зелману. Маленькая ставка, без жадности, через подставного, с правильным входом и правильным выходом. Без вопросов, без просьб и советов.

Вечером он позвонил Зелману.

— Поздравляю, — сказал Зелман. — Сколько?

— Двести восемьдесят восемь долларов.

Зелман помолчал. Потом засмеялся. Не зло, не насмешливо. Засмеялся, как человек, который получил подтверждение того, о чём и так подозревал.

— Ты поставил две тысячи контрактов, — сказал Зелман.

— Не двадцать тысяч, не двести. Две тысячи. Через Николаоса, через один кошелёк, без подсказок. Я думал, ты поставишь больше. Но ты поставил правильно.

— Я не знал, насколько верна наводка.

— Знал. Ты просто не хотел рисковать на незнакомой механике. Это умно. Это и есть холодный рынок.

— Что теперь?

— Теперь — учись. Открывай позиции на «Полимаркете» сам, без моих наводок. Начни с маленьких сумм. Смотри, как двигается цена. Ищи, где рынок ошибается. Не ставь на то, чего не понимаешь. Через полгода-год у тебя будет своя механика. Через два ты будешь готов к серьёзным ставкам.

— А ты?

— А я буду рядом. Но не рядом как учитель. Как партнёр. Когда-нибудь.

Зелман положил трубку. Герман закрыл ноутбук. Вышел на балкон. Постоял минут десять, глядя на чёрные окна дома напротив. Потом вернулся в комнату.

В записи, которую он сделал себе в notes. txt в тот вечер, было три строки: «Полимаркет — работает. Инсайд» рынок. Зелман проверяет. Я не провалил. Через два года — он лишний».

Герман не знал, что эта третья строка будет самой важной. Он ещё не думал о том, чтобы убирать Зелмана. Но он уже понимал, что любой человек, который знает о нём столько, сколько Зелман — это не актив, а обуза. Записал на будущее. Закрыв файл. Лёг спать.

Где-то в те же дни Лиза в четвёртый раз за неделю спросила его, когда они переедут в большую квартиру. Герман ответил: «Осенью. После того как закрою несколько сделок». Лиза кивнула и не спросила, каких именно. Она уже привыкла, что у Германа всегда есть несколько сделок, о которых он

не рассказывает.

Осенью они не переехали. Герман купил себе ещё один ноутбук — маленький, для «Полимаркета», который не подключался к домашней сети. Лиза видела его один раз, спросила: «Зачем тебе второй?» Герман ответил: «Для работы. Не трогай». Лиза не тронула.

К зиме Алиса подросла, начала ползать, и весь дом перестроился вокруг неё. Всё, что было до, окончательно ушло на второй план.

6. Зелёная лента

В январе, поздно ночью, Герман сидел на кухне в Строгино в три часа. Лиза спала в спальне с дочерью. Алисе шёл одиннадцатый месяц, она спала крепко, не просыпалась до утра. Лиза, отходившая первые месяцы после родов на грани, к январю выровнялась и тоже спала. Герман не вмешивался в быт. У него был своё время — с двух до пяти ночи, когда тишина в квартире позволяла думать.

На экране ноутбука две вкладки. На одной «Полимаркет», его позиция по чилийскому референдуму, закрытая в сентябре. Двести восемьдесят восемь долларов прибыли. На другой Kraken, основной вход в крипту. Герман не торговал. Считал.

Двести восемьдесят восемь долларов — мало. Проверка, не заработок. Но проверка показала главное: схема работала. Инсайд конвертировался в ставку, ставка — в деньги, деньги выходили чистыми через крипту. Теперь ему нужно было построить инфраструктуру, чтобы в следующий раз, когда наводка будет серьёзной, поставить не семьсот шестьдесят долларов, а семьдесят шесть тысяч. И не засветиться.

Герман открыл новый файл. Назвал его «структура. csv». Вписал колонки: номер, назначение, платформа, номинал, ключи.

Первым шёл депозитный кошелёк на Kraken, оформлен-

ный на Николаоса Иоанну, — сюда заходились деньги с кипрского счёта в USDT. За ним — буферный MetaMask без номинала, чистая крипто: деньги приходили сюда с первого кошелька и уходили дальше в миксер. Миксер — не Tornado Cash: тот брал один процент, но вёл прозрачные логи, и любой аналитик с доступом к Etherscan восстановил бы цепочку за неделю. Нужен был закрытый сервис за три-пять процентов, режущий след окончательно. Четвёртым шёл чистый буфер — отдельный MetaMask с сид-фразой, написанной от руки на бумаге и хранящейся в сейфе у Зелмана на Тверской. Дальше — четыре торговых аккаунта на «Полимаркете», каждый привязан к отдельному кошельку и к одному из четырёх киприотов из списка Зелмана. Николаос, Андреас (другой, не тот, что Константиноу), Костас, Михалис. Все платят налоги, все в базах, ни один не знает, что ставит на «Полимаркете». Ещё четыре кошелька на вывод, где деньги лежали между циклами — отсюда на Kraken, в USDT, потом на кипрский счёт, потом обналичка через Bitcoin ATM в Никосии или перевод на карту кипрского банка. И два резервных, на случай блокировки одного из торговых аккаунтов, — с привязкой к новым номиналам и заранее прогретые двумя транзакциями в месяц, чтобы адрес не выглядел свежим.

Герман пересчитал. Четырнадцать кошельков. Два на вход, один на смешивание, один на чистый буфер, четыре на торговлю, четыре на вывод, два в резерве. Достаточно, чтобы поставить сто тысяч долларов через четыре аккаунта, не

сдвигая цену и не оставляя следа от кипрского банка до «Полимаркета».

Он закрыл файл. Открыл мессенджер, написал Зелману: «Нужно четыре новых номинала. Кипр. С полномочиями на открытие криптокошельков. До конца недели».

Зелман ответил через минуту: «Будет. Сто пятьдесят за каждого». Герман записал в расходы шестьсот долларов за четыре номинала.

Две недели Герман строил структуру. Каждый вечер после работы — в Строгино, за ноутбуком, с двух до пяти ночи. Днём в «Стригине Капитале» — обычные обязанности, встречи с клиентами, согласования, обеды. Никто не замечал, что он не высыпался.

Герман привык к недосыпу ещё с осени, когда запустил «OptionPro».

Кошелёк 1 завёл в первый день. Перевёл с Kraken две тысячи USDT на кошелёк 2. Подождал сутки. Перевёл с кошелька 2 в миксер. Миксер взял четыре процента — восемьдесят долларов. Деньги вышли на кошелёк 4 через четырнадцать часов, раздробленные на двадцать три транзакции разного объёма, с разных адресов, в разное время. Ни одна из этих транзакций не была связана с предыдущей напрямую. Герман проверил на Etherscan. Цепочка обрывалась на миксере. Дальше — чистый лист.

Это было дорого. Четыре процента против одного в

Tornado Cash. Но Tornado Cash вёл логи. Кто вошёл, кто вышел, на какую сумму, в какое время. Если кто-то когда-нибудь начнёт копать — а Герман был уверен, что когда-нибудь начнут, — Tornado Cash сдаст его за неделю. Миксер — нет. Миксер не вёл логов. Точнее, вёл, но удалял через двадцать четыре часа и базировался в юрисдикции, которая не отвечала на запросы.

С кошелька 4 он перевёл по пятьсот долларов на кошельки 5—8. Каждый из них теперь был привязан к отдельному аккаунту на Polymarket. Герман не торопился их использовать. Пусть прогреются. Пусть адреса постоят с небольшим балансом, сделают пару мелких ставок — по пять-десять долларов на очевидные исходы, чтобы история транзакций выглядела обычной.

Первую неделю Герман делал по одной ставке в день на каждый кошелёк — на исходы футбольных матчей, на политику в США, на погоду в Чикаго. Небольшие суммы. Каждая ставка проигрывала или выигрывала — неважно. Важно было, что кошельки жили.

В конце января Зелман позвонил и предложил встретиться. Не в офисе, а в кафе «Дружба. Музей питания» на Новом Арбате, в обед. На встречу он приехал в пальто, с «Финансовыми известиями» под мышкой. Сел, заказал борщ и кофе.

— У меня есть идея, — сказал Зелман. — Насчёт

«OptionPro».

— Слушаю.

— «OptionPro» работает с провинцией. Это хорошо. Но это нижний сегмент. Я хочу запустить второй бренд — для среднего.

— Что предлагаешь?

— «PrimeTarget». Тот же движок, та же команда в Белграде, та же кухня. Но другая упаковка. Целевая аудитория Москва и Питер, возраст тридцать-пятьдесят, доход сто пятьдесят-триста тысяч. Не бинарные опционы, а форекс-сигналы. Клиент регистрируется, платит подписку, пятьсот долларов в месяц, получает «сигналы» от наших аналитиков. Сигналы ведут его к открытию позиций на нашем форекс-движке. Движок тот же, что у «OptionPro»: спред против клиента, технические сбои в нужный момент, оптимизация аккаунтов при системной прибыли.

— Маржа?

— Выше. Подписка пятьсот долларов с клиента в месяц, это уже прибыль. Дальше клиент торгует, мы забираем. Средний LTV тысяча двести долларов против двухсот восьмидесяти у «OptionPro». САС двести долларов. Сегмент уже не тёплый, но ещё не холодный.

— Сколько нужно от меня?

— Двадцать пять тысяч. Пятнадцать — вход, десять — операционные на первый квартал. Доля — пятнадцать, через Николаоса, как у «OptionPro».

Герман подумал. Двадцать пять тысяч — половина того, что лежало на счёте Николаоса после четырёх месяцев «OptionPro». Рискованно. Но LTV тысяча двести против двухсот восьмидесяти — четырёхкратная разница. При тех же расходах на привлечение маржа удвоилась бы.

— Кто в доле?

— Я — двадцать пять. Ты — пятнадцать. Киприот — двадцать. Дубай — двадцать. Белград — двадцать. Те же, что в «OptionPro».

— Канал привлечения?

— Не ВК. Другой. Telegram-каналы по инвестициям — пять штук, от пятидесяти тысяч до двухсот тысяч подписчиков. Контент — «Разбор сделок», «Инсайды с биржи», «Закрытый клуб». Подписка на канал бесплатная, но каждый третий пост — приглашение в «закрытый клуб» «PrimeTarget» за пятьсот долларов в месяц. Конверсия — около полутора процентов. Регистрация к оплате — шестьдесят процентов.

— Когда запуск?

— Март. Я хочу, чтобы к концу первого квартала у нас было триста платящих клиентов. Это сто пятьдесят тысяч долларов выручки в месяц. Чистая прибыль — около девяноста. Твоя доля — тринадцать с половиной тысяч в месяц. Через год — сто шестьдесят две тысячи.

Герман кивнул. Посчитал. «OptionPro» давал десять-одиннадцать тысяч в месяц.

«PrimeTarget» добавит ещё тринадцать. Итого — двадцать три-двадцать четыре. Плюс Polymarket — пока небольшие ставки, но через полгода-год это станет основным потоком.

— Хорошо, — сказал Герман. — Переведу двадцать пять тысяч на следующей неделе. На тот же счёт Николаоса.

Зелман кивнул. Допил кофе. Потом спросил:

— Как Лиза?

— Нормально. Алисе беспокойная. Зубы режутся. Зелман помолчал. Потом сказал:

— Семья — это хорошо. Семья — это алиби. Запомни.

Герман кивнул. Запомнил.

В середине февраля Зелман снова позвонил. На этот раз — коротко:

— Завтра вечером. Ресторан «Vaccarat» на Малой Никитской. Восемь вечера. Надень костюм. Будет один важный человек. Зовут Олег Петрович. Он заместитель прокурора одного из округов Москвы. Не ЦАО и не СЗАО — другого. Какого, скажу на месте. Будешь молчать и слушать. Иногда улыбаться. Ничего не предлагай. Я всё предложу сам.

— Понял.

— И ещё. У тебя есть часы?

— Есть.

— Надень. Хорошие. Если нет — купи, чтобы солиднее выглядеть. Часы у Германа были — «Тиссот», подарок от

Лизы на свадьбу. Не «Ролекс», но приличные. Герман надел их вечером, когда поехал в ресторан.

Зелман уже сидел за столом. С ним — мужчина лет пятидесяти, полный, в тёмно-синем костюме, без галстука. Короткая стрижка, седые виски, лицо неподвижное, как у человека, который много ест и мало нервничает. Это и был Олег Петрович.

Зелман представил: «Герман, мой партнёр. Финансы». Олег Петрович пожал руку крепко, посмотрел в глаза. Герман улыбнулся. Они сели.

Заказали — Зелман за всех. Устрицы, стейки, бутылка «Шато Марго» 2010 года. Олег Петрович не смотрел в меню. Он смотрел на Зелмана.

— Марк, — сказал он. — Я слушаю.

— У нас есть проект, — сказал Зелман. — Крупный. Не бинарный, не форекс. Другой. Связан с криптопереводами между РФ, ОАЭ и Турцией. Оборот — потенциально двадцать-тридцать миллионов долларов в месяц через год. Юрисдикция частично РФ, частично ОАЭ. В РФ серая зона. Не запрещено, не разрешено. Я хочу, чтобы у нас было понимание.

— Какое понимание? — спросил Олег Петрович.

— Что если кто-то из твоих людей обратит внимание на наш трафик, ты узнаешь об этом первым. И сообщишь нам. До того, как начнётся волокита.

— И что взамен?

— Десять процентов.

Олег Петрович не ответил. Взял бокал вина, отпил, поставил. Посмотрел на Германа. Герман мягко улыбнулся.

— Десять процентов с чего? — спросил Олег Петрович.

— С чистой прибыли. Не с оборота. С прибыли. По итогам квартала, на счёт, который я тебе укажу.

— Это много.

— Это правильно, — сказал Зелман. — Я не предлагаю взятку. Я предлагаю партнёрство. Ты получаешь информацию о том, что мы делаем. Ты получаешь долю. Мы получаем спокойствие. Все в плюсе.

Олег Петрович молчал минуту. Потом спросил:

— Кто ещё знает?

— Никто, — сказал Зелман. — Только мы трое.

— Герман? — повернулся Олег Петрович к Герману.

Герман ответил спокойно:

— Я отвечаю за цифры. Если у вас будут вопросы по расчётам, я в вашем распоряжении. Олег Петрович кивнул. Посмотрел на Зелмана.

— Двенадцать.

— Это много, — сказал Зелман. — Семь.

— Ладно, десять, — сказал Олег Петрович.

— Семь с половиной.

— Договорились.

Они пожали руки через стол. Принесли устрицы. Олег Петрович взял одну, сбрызнул лимоном, съел. Зелман налил

вина.

Герман не ел устриц. Смотрел на Олега Петровича и считал. Семь с половиной процентов с чистой прибыли. Если проект пойдёт, как Зелман описал, — два-три миллиона долларов в год. За что? За спокойствие. За то, что никто не придёт с проверкой. За то, что если кто-то другой в прокуратуре захочет копать, Олег Петрович остановит. Или предупредит. Это была строка в P&L. Не больше, не меньше. «Крыша» была статьёй расходов — как аренда офиса, как зарплата сотрудникам, как комиссия Kraken. У неё была цена — семь с половиной процентов. У неё была периодичность — раз в квартал. У неё был владелец — Олег Петрович. Если цена изменится, Зелман договорится заново. Если владелец сменится, Зелман найдёт нового.

Герман допил вино. Встал.

— Спасибо за ужин, — сказал он. — Рад знакомству. Олег Петрович кивнул. Зелман кивнул. Герман вышел.

На улице шёл снег. Малая Никитская была пустая. Герман дошёл до Тверского бульвара, сел в машину. Включил печку. Посидел минуту.

Потом открыл ноутбук. Открыл notes. txt. Сделал короткую запись:

«Крыша — 7,5% от прибыли. Строка в P&L. Зелман — дилер крыши. Не единственный канал. Через год-два — свой прямой канал в прокуратуру. Без Зелмана».

Закрыв файл. Поехал домой.

7. Тихий год

Двадцать третьего февраля, в среду, Герман проснулся в шесть. Лиза ещё спала — Алиса поднимала её в три, потом в пять. К шести Лиза уложила Алису и уснула. Герман встал тихо, прошёл на кухню, включил чайник. За окном в Строгино шёл мелкий снег, серое небо, минус шесть.

Герман достал из шкафчика ноутбук — тот, маленький, для «Полимаркета», не подключённый к домашней сети. Сел за стол, ввёл пароль. Открыл файл — «баланс. xlsx». Свёл цифры.

«Бордюр» — последняя операция в декабре, четыре тысячи триста долларов. В январе новых не было. Стригин начал наводить порядок в клиентских потоках, ужесточил контроль за исполнением, и «бордюр» стал опасным. Герман закрыл линию. Итог за четырнадцать месяцев двадцать восемь тысяч.

Фронтраннинг — последняя операция в декабре, две тысячи сто. В январе новых не было. Зелман предупредил: «Стригин рано или поздно заметит. Заканчивай». Герман закончил. Итог — четырнадцать тысяч.

Эфир — последняя покупка в декабре, 2 ЕТН по \$3800. Сейчас ЕТН держался около \$2600, позиция в минусе. Герман не продавал. Ждал. Текущий убыток — тридцать два процента. Долгосрочно должно было выйти.

«OptionPro» — за январь пришла выписка. Доход — восемь тысяч двести долларов. За февраль — ориентировочно девять тысяч. Стабильно. Месячный поток — восемь-девять тысяч.

«PrimeTarget» — запуск через неделю, первого марта. Инвестиция двадцать пять тысяч внесена. Команда в Белграде готовит платформу. Telegram-каналы — три из пяти уже куплены, два в работе. Прогноз дохода на апрель — тринадцать тысяч.

«Полимаркет» — за январь-февраль пятнадцать мелких ставок через четыре аккаунта, на общую сумму триста сорок долларов. Из них выиграли девять, проиграли шесть. Минус сорок семь долларов.

Крыша — Олег Петрович, семь с половиной процентов от прибыли. Пока проект криптопереводов не запущен, платить не нужно.

Герман просуммировал активы. Итого — около ста шестидесяти восьми тысяч долларов. Из них ликвидных — сорок три тысячи. Полтора года назад у него был ноль.

Герман закрыл «баланс. xlsx». Открыл notes. txt. Дописал строку:

«01.01.2020 — 0. 23.02.2022 — 168. Темп — 9,3K/мес. Цель на 31.12.2022 — 350. Нужно 18K/мес. Источник — PrimeTarget + первая серьёзная ставка на Полимаркет». Закрыл файл. Допил чай. Пошёл в ванную.

В десять утра Герман был в офисе «Стригина Капитала». На столе — три договора на согласование, отчёт по клиенту «Долголетие» (тому самому пенсионному фонду, через который начинался фронтраннинг) и приглашение на корпоратив в честь 23 февраля. Герман подтвердил участие. Нужно было появиться. Час, не больше.

В двенадцать позвонил Зелман. Не по австрийскому телефону, по российскому. Это значило обычный разговор.

— Доброе утро. С праздником.

— Спасибо. И тебя.

— У меня есть два вопроса. Первый — паспорт.

— Слушаю.

— Я говорил в августе — подумай о втором паспорте. Сейчас самое время. Не Сент-Китс, как я думал раньше. Сент-Китс — долго, семь-восемь месяцев, и дорого, сто пятьдесят тысяч. Есть быстрее — Антигуа. Три-четыре месяца, сто тысяч. Инвестиция — в недвижимость, можно потом продать через пять лет и вернуть половину. Юридически — чисто, без вопросов.

— Сто тысяч — это четверть того, что у меня ликвидного.

— Это инвестиция. Не расход. Через год у тебя будет паспорт, через пять лет — половина денег обратно. И главное — у тебя будет возможность уехать, если придётся. Не сейчас. Через год-два.

— Что нужно от меня?

— Сканы документов. Загран, внутренний, прописка. И

— поездка в Антигуа на биометрию. Три дня в апреле или мае. Я организую.

— Я подумую.

— Подумай. Но не долго. Окна закрываются. У Сент-Китс уже подняли порог. Антигуа поднимут в следующем году. Второй вопрос, — сказал Зелман. — Счёт в Дубае.

— У меня уже есть кипрский.

— Кипрский — хорошо. Дубайский нужен. Не вместо, в дополнение. Кипр — европейская юрисдикция, давление ЕС, обмен информацией с РФ по запросу. Дубай — нет. Дубай — это страховка. Если кипрский счёт когда-нибудь заморозят или начнут проверять, у тебя должен быть второй, в другой юрисдикции, на другое имя.

— На другое имя?

— На имя другого номинала. У меня есть — Абдулла Аль-Мансури. Бизнес-консультант из Шарджи. Платит налоги, чистый, ничего не знает о тебе. Двадцать пять процентов — тебе, через траст, как на Кипре. Счёт — в Emirates NBD, корпоративный, с возможностью выпуска карты на твоё имя — если когда-нибудь понадобится снимать наличные в РФ без объяснения происхождения.

— Сколько стоит?

— Десять тысяч — открытие счёта, трастовая декларация, выпуск карты. Минимальный остаток — двадцать тысяч. Итого — тридцать на старт.

— Тридцать.

— Герман, у тебя сорок три тысячи ликвидных. Ты вложишь тридцать — у тебя останется тринадцать. Это мало, я понимаю. Но «Полимаркет» скоро начнёт приносить.

«PrimeTarget» — в апреле. Через три месяца у тебя будет ещё сорок-пятьдесят. Это инвестиция в инфраструктуру, не в расход.

— Что нужно от меня?

— Те же сканы. И — подпись на трастовой декларации, можно у меня в офисе, в любой день.

— Хорошо. Я подъеду в пятницу.

— Договорились. И с праздником.

— И тебя.

Зелман положил трубку. Герман посидел минуту. Потом открыл «баланс. xls». Пересчитал. К маю — ноль ликвидных средств. Все деньги — в паспорте, в трастах, в долях. Это был рискованный план. Но отказываться от этого было глупо — инфраструктура словно сама шла в руки. Герман закрыл файл.

В два часа дня он поехал на корпоратив «Стригина Капитала» — в ресторан «Сыр» на Покровке. Музыка, тосты, разговоры о делах. Герман улыбался, пожимал руки, пил минеральную. Не вино — с февраля он не пил на офисных мероприятиях. Сказал: «На лекарствах». Никто не спрашивал, каких.

В четыре он уехал. Сказал, к Лизе. На самом деле в офис

Зелмана на Тверскую. Зелман был один. Дверь открыл сам, провёл в кабинет. На столе лежала папка с документами.

— Вот трастовая декларация на Emirates NBD. Номинал — Абдулла Аль-Мансури, Шарджа. Ты — бенефициар, двадцать пять процентов. Документ хранится у адвоката в Дубае, копия — у меня. В российских и кипрских базах тебя нет. В дубайских — тоже, кроме декларации у адвоката.

Герман взял ручку. Подписал. Зелман убрал декларацию в сейф.

— Деньги переведёшь на этой неделе. Я пришлю реквизиты.

— Хорошо.

— Антигуа — подумай до конца недели. Хорошо подумай. Окна закрываются.

— Я подумаю.

Герман встал. У двери обернулся.

— Марк.

— Да?

— У тебя есть второй паспорт. Израильский. Третий есть? Зелман помолчал. Потом ответил:

— У меня есть паспорт одной страны, которую я не обсуждаю. Это не твоё дело. Но — да, у меня три. Израиль, Австрия, и одна страна, которую я не называю.

— Зачем три?

— Два — это страховка. Три — это образ жизни. Когда ты живёшь так, как я, ты не можешь позволить себе зависеть

от одного государства. Государства — ненадёжные партнёры. Сегодня — друг, завтра — враг. Паспорт — это просто способ иметь больше одного выхода.

— Понимаю.

— Подумай об этом. Герман кивнул. Вышел.

На улице было минус восемь. Снег перестал сыпать, небо прояснилось. Герман дошёл до Тверской, сел в машину. Не заводил. Сидел и смотрел на прохожих.

Два года назад он был аналитиком с зарплатой тридцать четыре тысячи рублей в месяц и сбережениями в ноль. Сейчас у него сто шестьдесят восемь тысяч долларов активов, четырнадцать криптокошельков, кипрский счёт, траст в Дубае, доля в двух бинарно-форексных платформах, подготовленная площадка на «Полимаркете», крыша в прокуратуре Москвы. Через три месяца будет второй паспорт.

Это был тихий год. Тихий, потому что ничто не привлекало внимания. Никто не знал, что у Германа Ростовцева, аналитика среднего звена в «Стригине Капитале», есть вторая жизнь. Никто не должен был знать.

Герман завёл машину. Поехал домой. В Строгино было уже темно. Лиза кормила Алису. На кухонном столе — тарелка с гречкой и котлетой, накрытая пластиковым куполом для микроволновки.

— Я разогрела, — сказала Лиза.

— Спасибо.

Герман поел. Помыл посуду. Пошёл в спальню, переоделся. Лиза укачивала Алису в гостиной. Герман сел рядом, на край дивана.

— Как день?

— Нормально. Алиса капризничала утром, потом уснула. Я поспала два часа.

— Хорошо.

Лиза посмотрела на него.

— Ты опять был у Зелмана?

— Был. По работе.

— По какой работе? Ты же работаешь в «Стригине».

— У меня есть другие проекты. Я тебе говорил.

— Ты говорил. Но не рассказывал, какие.

Герман помолчал. Потом сказал:

— Лиза, это финансовые проекты. Инвестиции. Я не могу о них рассказывать, потому что они — неофициальные. Это не опасно. Это просто не для обсуждения. Подписка о неразглашении, коммерческая тайна. Нельзя об этом рассказывать.

— Не опасно?

— Не опасно. Тебе надо поспать. Два часа — это очень мало.

Лиза кивнула. Прижала Алису к себе. Герман сидел рядом. То, что Лиза задала такие вопросы, ему не нравилось. Может, она и поверила ответу, а может, и нет. Через год-два нужно было решить, что с ней делать.

Лиза тихо пела Алисе колыбельную.

— Давай, я покачаю, а ты спи.

Ребёнок на удивление быстро уснул. Герман положил Алису в колыбель, лёг в постель и уснул тоже.

В четыре часа утра Герман проснулся от звонка. Телефон на тумбочке завибрировал. Не российский — австрийский, тот, который Зелман дал ему в январе, «для тех, кто не должен знать твой российский номер».

Герман посмотрел на экран. Зелман.

— Марк.

— Включи телевизор. Первый канал.

— Что случилось?

— Включи. Потом перезвони.

Зелман положил трубку. Герман встал. Прошёл в гостиную. Включил телевизор. На экране — выпуск новостей. Внизу — бегущая строка.

Герман сел на край дивана. Лиза спала. Алиса спала. За окном в Строгино было темно и тихо.

Это было утро двадцать четвёртого февраля 2022 года.

8. Февраль

Герман сидел на диване в темноте. На экране телевизора — выпуск новостей. Диктор говорил ровным голосом. Внизу экрана бежала строка. За окном в Строгино было темно. Герман смотрел на экран полминуты. Потом выключил звук. Набрал Зелмана.

— Марк.

— Видел?

— Видел.

— Что делаем?

— Ничего. Ждём.

— Ждём чего?

— Открытия торгов. МОЕХ откроется в десять, как обычно. Потом — остановка. Потом — обвал. Это первый день. Дальше — санкции, бегство капитала, паника. У нас есть сорок восемь часов, чтобы сделать то, что мы должны.

— Что мы должны?

— Заработать. Не потерять. И — выйти в стейблкоины. Всё остальное — после.

Зелман положил трубку. Герман посидел минуту. Потом встал, прошёл в спальню. Лиза спала. Алиса спала. Герман оделся тихо — джинсы, свитер, куртка. Обувь в прихожей. Не включая свет, вышел из квартиры.

В пять утра Москва была пустая. МКАД — свободный,

минус семь, снег. Герман доехал до Тверской за сорок минут. Поставил машину во дворе. Поднялся в офис Зелмана.

Зелман уже ждал его там. В белой рубашке, без пиджака. Два телефона на столе. Ноутбук открыт. На экране — график МОЕХ, обновлявшийся каждые тридцать секунд.

— Кофе? — спросил Зелман.

— Нет.

— Присаживайся.

Герман сел. Зелман закрыл ноутбук. Открыл бумажный блокнот. На странице — три колонки, написанные от руки ровным почерком.

— Слушай, — сказал он. — У нас мало времени. Герман кивнул.

— Первое. «OptionPro» и «PrimeTarget». «OptionPro» работает, «PrimeTarget» запускается первого марта, как и договаривались. Ничего не меняем. То, что произошло, — это хорошо для бинарных платформ. Люди сидят дома, боятся, ищут, куда поставить. У нас будет пик трафика в первые две недели. По «OptionPro» — удвоение выручки. По «PrimeTarget» — запуск в плюс с первого месяца. Зелман поднял палец. Второе — фронтраннинг. Стригин сегодня закроет все рискованные потоки. Никаких операций через клиентские счета. Если заметишь, что кто-то в «Стригине Капитале» делает что-то похожее, не вмешивайся, не сообщай. Сиди тихо. Твоя зарплата сохранится, но роли урежут. Это нормально. Нам «Стригин Капитал» сейчас только как прикры-

тие. Третье — эфир. У тебя позиция в минусе. Не продавай. Через два-три месяца ETH отыграет. Крипта — единственный актив, который в этой ситуации вырастет. Не сразу, но вырастет. Четвёртое — MOEX. Торги откроют в десять. В первые тридцать минут — обвал на тридцать-сорок процентов. Потом — остановка. Потом — снова обвал. К закрытию — минус пятьдесят. Когда это произойдёт, в торговлю не лезь. У тебя нет позиции, она и не нужна. Мы заработаем не на MOEX. Пятое — ADR, российские депозитарные расписки на Лондонской бирже. «Сбербанк», «Лукойл», «Газпром», «Яндекс». В Лондоне они торгуются. Сейчас падение на шестьдесят-семьдесят процентов. Можно шортить. Брокер — Interactive Brokers, через траст на Кипре. У меня там счёт, я добавлю тебя как управляющего. Тыставишь шорт, я закрываю. Двадцать процентов прибыли — тебе. Шестое — вывод кэша. Все деньги, которые заработаем сегодня и завтра — в USDT. На кошелёк 1, через Kraken. Дальше — по схеме: кошелёк 2, миксер, кошелёк 4, кошельки 9—12, потом — кипрский счёт. Или сразу дубайский, если откроют к концу недели.

Зелман поднял глаза.

— Вопросы?

— Один. Если торгуют в Лондоне, почему мы шортим через Interactive Brokers, а не через «Стригин Капитал»?

— «Стригин Капитал» — российский брокер. Российский брокер сегодня — это санкционный риск. Любой счёт

в российском брокере могут заморозить в любой момент. Interactive Brokers — американский. Счёт на кипрский траст. Юридически — кипрская компания, не российская. Это правильно.

— Понял.

— Иди. Открывай Interactive Brokers. Я пришлю логин и пароль на австрийский телефон через полчаса. Действуй.

Герман встал. Зелман окликнул его.

— Герман.

— Да?

— Сегодня ты заработаешь больше, чем за прошлый год. Если сделаешь всё правильно. Но если ты сегодня позволишь себе думать о том, что происходит за окном, ты ничего не заработаешь. Сегодня — не день для мыслей. Сегодня — день для расчётов.

Герман кивнул. Вышел.

В шесть утра он был дома. Лиза ещё спала. Алиса заплакала в шесть десять. Герман встал, взял её, покачал, дал Лизе поспать ещё полчаса. В шесть сорок Лиза встала, взяла Алису, покормила.

— Ты рано проснулся, — сказала она.

— Не спалось. Пойду в офис пораньше, аврал.

— Почему?

— Квартальная отчётность. Закрываем до конца недели.

Лиза кивнула. Не спросила больше. Герман поцеловал её

в лоб. Поцеловал Алису. Вышел.

В семь тридцать он был в офисе «Стригина Капитала». Здание на Тверской почти пустовало — охрана, пара уборщиц, ни одного сотрудника. Герман поднялся на свой этаж, открыл кабинет. Сел за стол. Открыл рабочий компьютер. Открыл личный ноутбук.

На австрийском телефоне — сообщение от Зелмана. Логин, пароль, IP-адрес Interactive Brokers. Герман ввёл. Открыл платформу.

Российские ADR на Лондонской бирже. «Сбербанк» — последняя цена \$11,40. Вчера закрылся на \$14,80. Минус двадцать три процента до открытия. «Лукойл» — \$42,50, вчера \$58,70. «Газпром» — \$3,20, вчера \$5,10. «Яндекс» — \$18,90, вчера \$24,50. Лондон открывался в одиннадцать по Москве. У Германа было три часа.

Он не входил в позицию сразу. Ждал. Думал.

Зелман сказал — шортить. Но шортить что? Все четыре? Или только два?

Герман открыл график. «Сбербанк» — санкции США и ЕС придут первыми. Банк попадёт под SDN-листинг в течение недели. ADR обнулят или заморозят. Шортить сейчас по \$11,40 — слишком поздно, рынок уже это учёл.

«Лукойл» — нефть подорожает на панике, но Лукойл под санкциями. ADR будут делистить. Шортить.

«Газпром» — то же самое. Шортить.

«Яндекс» — IT-компания, не под санкциями напрямую. Но российский эмитент, бегство капитала. Шортить, но осторожно.

Герман решил шортить «Лукойл» и «Газпром». Открыл позицию на тысячу ADR «Лукойла» по \$42,50 и на пять тысяч ADR «Газпрома» по \$3,20. Общая позиция — \$58 500. Плечо — 1:3. Залог — \$19 500. На счету траста Зелмана было сто двадцать тысяч.

Герман закрыл платформу и стал ждать.

В десять открылась MOEX. Как Зелман и сказал, произошёл обвал на тридцать восемь процентов за первые тридцать минут. Затем торги остановили.

В это время Герман сидел в кабинете в «Стригине Капитале» и согласовывал договор с «Долголетием». Подписал, отнёс секретарю. Вернулся.

В одиннадцать открылась Лондонская биржа. На открытиях обычно возникала повышенная волатильность — цена быстро менялась с большой амплитудой. Герман открыл платформу. «Лукойл» — открытие на \$28,40. Минус тридцать три процента.

Позиция Германа в плюсе на \$14 100. «Газпром» — открытие на \$1,80. Минус сорок четыре процента. Позиция в плюсе на \$7 000.

Итого — двадцать одна тысяча сто долларов нереализованной прибыли. За сорок минут. Заккрытие позиций было

на Зелмане.

К обеду «Лукойл» упал до \$22. «Газпром» — до \$1,40. Прибыль — тридцать пять тысяч. Герман пообедал в офисе. Сосед по столу — аналитик Костин — говорил по телефону с женой, голос дрожал. Герман не слушал.

В три часа дня Зелман прислал сообщение: «Закрыл. Жди отчёт».

В три тридцать пришёл отчёт. «Лукойл» закрыт по \$21,50 — прибыль двадцать одна тысяча. «Газпром» закрыт по \$1,35 — прибыль девять двести пятьдесят. Итого тридцать тысяч двести пятьдесят долларов. Двадцать процентов — Герману. Шесть тысяч пятьдесят долларов.

Герман посмотрел на цифру. Шесть тысяч. За один день. Больше, чем он зарабатывал за месяц на «OptionPro». Меньше, чем надеялся. Но это была первая операция нового типа. Первая операция, которая работала на чужой панике.

Зелман прислал второе сообщение: «Вывод сегодня. USDT на кошелёк 1. Разбей на три транзакции, разные объёмы, с разницей в два часа. Не торопись».

Герман открыл Interactive Brokers. Вывел прибыль траста на кипрский счёт. С кипрского счёта — на Kraken. С Kraken — на кошелёк 1, тремя транзакциями: в четыре, в шесть, в восемь вечера. Первая — две тысячи. Вторая — три тысячи пятьсот. Третья — пятьсот пятьдесят. Все в USDT.

Между транзакциями он работал. Согласовывал договоры, отвечал на письма. Участвовал в совещании — онлайн,

камера выключена, микрофон выключен, слушал, как директор «Стригина Капитала» говорил про временную турбулентность и стратегическую устойчивость. Никто не понимал, что происходит.

В восемь вечера последняя транзакция ушла. Герман закрыл ноутбук, встал и вышел из офиса.

Москва выглядела странно. На улицах — машины, но мало людей. У метро — очереди в обменники. Герман проехал мимо одного — очередь в сорок человек. У банкоматов «Сбербанка» — очереди. Люди снимали наличные. Рубль падал.

Герман поехал в ресторан «Baccarat» на Малой Никитской — тот самый, где ужинал с Олегом Петровичем две недели назад. Зелман предложил встретиться снова.

Зелман уже ждал его там. Один, за тем же столом. Без пиджака, в белой рубашке. Два телефона на скатерти. Бутылка шабли открыта, бокал наполнен. Второй бокал — пустой, ждал Германа.

— Прошу, — сказал Зелман. — Выпей.

Герман сел. Налил себе. Отпил.

— Сколько? — спросил Зелман.

— Шесть пятьдесят.

— Мало.

— Первая операция.

— Ладно. Завтра будет больше.

— Завтра?

— Завтра. И послезавтра. И через неделю. И через месяц. Боевые действия — это не один день, Герман. Это длинный рынок. Мы на нём — правы. Не потому, что мы умные. Потому что мы с холодной головой в нём, пока остальные в шоке. Они паникуют, они боятся, они не знают, что делать. А мы знаем. Мы знаем каждый день. И каждый день мы будем забирать прибыль.

Герман кивнул. Отпил вино.

— Не знаю, что с Лизой делать, — сказал он.

— Что с ней?

— Она дома. С Алисой. Смотрит телевизор. Звонит матери. Я не знаю, что ей сказать.

— Ничего. Скажи — на работе. Скажи — всё будет хорошо. Не объясняй. Не успокаивай. Просто — будь рядом, но не слишком. Если заплачет — обними. А то, что ты пропадешь на работе — это сейчас хорошо. Больше работы, больше денег, меньше разговоров. Понял?

— Понял.

— И ещё. Через неделю, когда первая паника спадёт, отведи их к матери Лизы. Пусть посидят там. А ты останешься в Москве. Скажешь, работа. Это будет правдой.

Герман кивнул. Они допили вино в молчании. Зелман расплатился. Они вышли.

На Малой Никитской было темно и тихо. Снег прекратил-

ся. Небо стояло низкое, чёрное. Где-то далеко выла сирена — «скорая» или полиция, не разобрать.

Зелман пожал руку и ушёл.

Герман стоял на тротуаре. Завибрировал российский телефон в кармане. Звонила Лиза. Он не хотел брать трубку, но игнорирование вызвало бы у неё только слёзы и вопросы, а этого он как раз хотел избежать. Поэтому ответил, сказал, что уже едет, что заглянет в

«Пятёрочку» и привезёт любимый Лизин пудинг с тапиокой и шоколадом.

Домой он приехал в одиннадцать. Лиза сидела на кухне, тёрла от слёз красные глаза. Алиса спала в колыбели в комнате.

— Где ты был? — спросила Лиза.

— На работе. Где я ещё могу быть?

— Ты видел?

— Да. Поэтому и приехал так поздно — на рынках и у клиентов паника. Нужно было всё привести в порядок.

— Что нам делать?

— Поужинать максимально вкусно. И тебе — съесть ещё вот это. Шоколад, сахар — сейчас это поможет. Я спокоен. У нас есть деньги. У нас есть подушка в валюте, рубль проседает — мы ничего не теряем. Деньги не заморозят. У нас есть жильё. Я никуда не уезжаю — здесь работа, недвижимость, твои родители.

Он стал выкладывать продукты на стол.

— Важно не паниковать. Начинается паника, сразу бери себя в руки и занимайся делом. Чем-то физическим. Хоть пыль вытирай, хоть приседай — лишь бы в мыслях не вязнуть. Я здесь, я никуда не исчезну. То, что я много времени провожу на работе, — да, это так. Но как иначе? Нам нужны деньги.

Они устроили поздний ужин — со слабосолёной форелью, рукколой, сливочным сыром. Лиза, успокоившись, вернулась в любимую пушистую пижаму с заячьими ушами и уснула.

Герман сидел на кухне, смотрел в окно. За окном в Строгино было темно и тихо. Он не думал о Лизе и Алисе. Думал о завтрашнем дне. Завтра — снова операции и ставки.

В шесть утра он встал. Лиза вовсю спала. Алиса тоже. Герман оделся, вышел и поехал в офис Зелмана.

9. Санкционный воздух

В марте город опустел. Не как в феврале — по-настоящему. Уехали те, кто мог. Уехали иностранцы. Уехали ИТ. Уехали те, у кого были вторые паспорта, вторые квартиры и вторые жизни.

Каждое утро Герман ездил на Тверскую. В «Стригине Капитале» половина столов стояла пустая. Костин — аналитик, который в феврале звонил жене дрожащим голосом — уехал в Тбилиси в середине марта. Не предупредил. Просто не пришёл в один из понедельников. Директор собрал оставшихся на этаже, сказал: «Временная турбулентность. Стратегическая устойчивость». Те же слова, что в феврале.

Зелман позвонил на второй неделе марта. Не на австрийский — на российский. Значит, разговор предстоял обычный.

— Завтра в двенадцать. Остоженка, дом двенадцать. Француз продаёт квартиру. Пятый этаж, окна на храм. Сто тридцать метров площадь. Год назад — миллион двести евро стоила. Сейчас — четыреста двадцать. Едет в Ниццу в пятницу. Наличные, тридцать процентов завтра, остальное — через нотариуса в течение недели. Ты будешь?

— Буду.

— Бери костюм и туфли. Они смотрят на обувь.

Квартира располагалась на пятом этаже. Лифт — старый, медленный. На площадке — две двери. За одной — француз. За другой — тишина: видимо, пустая квартира. Француз открыл сам. Высокий, седой, в сером свитере. Глаза уставшие. Зелман вошёл первым, Герман — вторым. Француз — за ними.

Квартира стояла пустая. Мебель уже вынесли. Остались только люстра в гостиной и кухонный стол. Окна выходили на Храм Христа Спасителя. Серое мартовское небо. Внизу — безлюдная набережная.

Француз говорил по-английски. Зелман тоже. Герман молчал.

— Четыреста двадцать тысяч, — сказал Зелман. — Тридцать процентов завтра, нотариус в пятницу.

— Шестьсот.

— Четыреста. Это последняя цена. Завтра утром у меня будут деньги. У вас самолёт в пятницу, насколько знаю. Если не продадите мне, продадите в апреле за триста. В мае — за двести. Я делаю вам одолжение.

Француз помолчал. Посмотрел на окна. На небо. На храм.
— Четыреста, — сказал он.

Зелман кивнул. Достал из внутреннего кармана конверт. Положил на кухонный стол.

— Сто двадцать. Наличными, евро. Распишетесь в договоре задатка, который я принёс. Нотариус — мой, на По-

кровке. Пятница, одиннадцать утра. Вопросы?

Француз покачал головой. Подписал. Зелман положил договор в портфель. Француз проводил их до лифта. Не попрощался.

В лифте Зелман сказал:

— Хорошая квартира. Перепродадим через два года за миллион. Или оставим. Решать тебе.

— Не мне, — сказал Герман.

— Тебе. Это твоя квартира. Я только дилер.

Герман не ответил. Всё это разворачивалось странно. И странной казалась щедрость Зелмана — зачем отдавать такую квартиру в Москве?

Через неделю встретились в Химках, в логистическом парке. Герман никогда там не был. Зелман тоже. Поехали вместе, на машине Зелмана, с водителем. Час проторчали в пробках. Пронесли мимо ТТК, мимо бетонной развязки и заборов с рекламой «Сдам». Логистический парк — десять ангаров, парковка для фур, офисный модуль. Собственник — немецкий фонд, который в спешке уходил из России. Продаёт долю. Не всю — сорок процентов. Цена — сорок пять процентов от балансовой. Зелман назвал цифру в машине. Герман запомнил. Цифра оказалась меньше, чем он ожидал.

В офисном модуле сидел управляющий — немец, который не уезжал и оставался до конца. Он показал докумен-

ты, ангары, парковку. Говорил по-немецки, Зелман тоже по-немецки. Герман молчал. Он думал: это актив, который не убежит. Бетон и земля.

Ежемесячные поступления от арендной платы. Конечно, такое нельзя вывести в USDT, нельзя пропустить через миксер. Но и нельзя заморозить. Останется в России, что бы ни случилось.

Зелман подписал предварительный договор в машине, на обратном пути. Подписал, не глядя.

В конце марта Зелман позвонил снова. На австрийский номер Ростовцева.

— Четверг. Восемь вечера. Закрытый клуб на Чистых прудах. Ужин с человеком из ЦБ. Замначальника департамента. Не называй его имя. Не запоминай имя. Он Иванов Иван Иванович. Будь в костюме. Никаких телефонов — оставишь в гардеробе. Никаких бумаг. Слушаешь. Улыбаешься. Отвечаешь, когда спрашивают. Про цифры — можешь. Про политику — нет. Понял?

— Понял.

— И ещё. Он любит бургундское. Не шабли. Запомни.

Клуб помещался в особняке. Не в парадном — в скромном здании с жёлтым фасадом и двумя окнами, выходящими на улицу. Вход — через двор. Охранник в чёрном костюме посмотрел на Зелмана, кивнул.

Гардероб. Узкая лестница. Второй этаж. Зал на три стола. Два — пустых. Один накрыт на четверых.

Человек из ЦБ уже ждал. Невысокий, плотный, в тёмно-синем костюме. Лицо обычное. Такое лицо забывалось через минуту. Четвёртый за столом — ещё один человек, без имени, без должности. Зелман его знал. Герман — нет.

Зелман представил Германа:

— Герман. Отвечает за цифры.

— Иван Иванович, — сказал человек из ЦБ. — Рад.

Сели. Официант — единственный в зале — принёс меню.

Иван Иванович не открыл. Сказал:

— Бургундское. Что-нибудь из две тысячи шестого. И закуски — на ваше усмотрение. Официант ушёл.

Иван Иванович посмотрел на Германа.

— Марк говорит, у вас есть проект. Криптопереводы. Россия — ОАЭ — Турция. Оборот — через год — двадцать-тридцать миллионов в месяц.

Герман кивнул.

— Это так.

— Расскажите в двух словах.

— Российские деньги уходят в Дубай и Стамбул. Сейчас они уходят через серые каналы, дорогие и медленные. Мы делаем канал быстрый и дешёвый.

Иван Иванович кивнул. Принесли вино. Он пригубил. Кивнул официанту — налейте остальным.

— Хорошо, — сказал Иван Иванович. — Теперь мой ход.

Что ЦБ думает про крипту? ЦБ сказал это публично. ЦБ будет говорить это ещё год. Но ЦБ — это не один человек, а департаменты. И не все департаменты думают одинаково. Мой думает, что крипта — это реальность. Что запретить её нельзя. Нужно регулировать. Но тихо. Без публичности.

Через пилотные проекты. Через структуры, которые мы контролируем. Понимаете?

— Понимаю, — сказал Герман.

— Тогда — вопрос. Ваш проект. Он — пилотный? Или он — коммерческий?

— Коммерческий, — сказал Герман. — Но готов стать пилотным. Если это нужно.

Иван Иванович улыбнулся. Первый раз за вечер.

— Это правильный ответ, — сказал он. — Пилотный — это коммерческий, который работает по нашим правилам. Правила простые: прозрачность для нас. Мы видим все транзакции. Второе — непрозрачность для остальных. Никто не видит. Третье — доля. Не денег — внимания. Когда нам нужно что-то, вы делаете, не спрашивая. Четвёртое — когда мы скажем «Стоп!», вы останавливаетесь. Без объяснений. Принимаете?

Герман посмотрел на Зелмана. Зелман чуть кивнул.

— Принимаю, — сказал Герман.

— Хорошо. Марк пришлёт документы в понедельник. Через два месяца — пилот. Через шесть — полный оборот. Через год — двадцать миллионов. Если меньше — разговор не

состоялся. Если больше, разговор будет другой.

— Хорошо.

Ужин прошёл. Бургундское — тёмное, дорогое. Закуски — мясо, сыры. Иван Иванович говорил мало. Четвёртый — молчал. Зелман говорил — о погоде, о вине и футболе.

Герман молчал. Когда подали кофе, Иван Иванович встал.

— Рад был познакомиться, — сказал он. — До понедельника. Он ушёл. Четвёртый ушёл следом. Зелман и Герман остались.

— Хорошо, — сказал Зелман. — Очень хорошо.

— Марк, — сказал Герман. — Что это было?

— Это было твоё будущее. Теперь пей кофе, и поехали.

В машине, по дороге домой, Герман смотрел в окно. На Москву, на Чистые пруды. Бульвары и фонари. На чёрное небо без звёзд.

Герман думал о предстоящем. Квартира на Остоженке. Доля в Химках. Канал в ЦБ. Через год он станет владельцем активов, которые нельзя заморозить, каналов, которые нельзя закрыть, связей, которые нельзя порвать.

10. МОЕХ-манипуляция

Наступило лето. В «Стригине Капитале» сменили директора. Прежний — Пётр Ильич, который говорил про «стратегическую устойчивость», — ушёл в апреле. На его место пришёл Аверьянов, из «Сбербанка». Аверьянов не говорил «стратегическая устойчивость». Аверьянов говорил «оптимизация». Слово было новое. Смысл тот же. Герман сидел в своём кабинете. Договоры, отчёты, совещания. Зарплата без изменений. Роль ему урезали. К нему почти не приходили клиенты. Он почти не выезжал. Это казалось ему нормальным. «Стригин Капитал» оставался прикрытием. Настоящая работа была в другом месте.

В июне Зелман позвонил на австрийский номер.

— Завтра. Вечер. Кофейня на Покровке. Маленькая, один стол у окна. Будет человек. Имя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.